

РИНА ХАРОС

ПРОКЛЯТИЕ
ДЕРСЕТОНЫ

18+

Рина Харос
Проклятие Персефоны
Серия «Young Adult. Хиты
молодежного фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69626029
Проклятие Персефоны: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192157-6

Аннотация

Эмилия была рождена сиреной, но Персефона, упиваясь властью, вырвала ее крылья, погрузив на дно Дарийского моря. Морская дева поклялась остановить тиранию богини и освободить сестер.

Чтобы отомстить, сирена переродилась в огне, заключив страшную сделку с заклятым врагом. Эмилия годами выживала среди людей, зная, что ей предстоит встреча с Охотником – жестоким губителем чудовищ. Однако в погоне за своей мечтой сирена отвергла любовь того единственного, кто готов был ее защитить, пойти ради нее на все.

Неужели Эмилия станет очередной жертвой предательства? Или редким трофеем Охотника? И сможет ли снять проклятие Персефоны, заняв трон Королевы сирен?

Новый взгляд на историю богини Персефоны, авторская интерпретация древнегреческих мифов, история мести, обжигающая любовная линия – все это в фэнтезийном романе Рины Харос «Проклятие Персефоны».

Содержание

Пролог	8
Часть 1	18
Глава 1. Анафемор	18
Глава 2. Остров сирен	27
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	53
Глава 6	69
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Рина Харос

Проклятие Персефоны

© Харос Р., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Ожидания, ради воплощения которых я проделала столь долгий путь и принесла мучительные жертвы, наконец оправдались. Проходя мимо полок, на которых пылились всевозможных форм и размеров банки и склянки, я не могла скрыть восторга. Части тел, от зубов и до крыльев, покоились на стеллажах под железными оковами, но лишь одна банка на отдельном стеллаже оказалась пуста. Многочисленные глазные яблоки плавали в формалине, прожигая меня пристальными взглядами в немом благословении, даруя силу и веру.

Ненависть, царившая в комнате, окутывала мое тело невидимыми нитями и подпитывала энергией.

Услышав скрип половиц, я повернула голову на источник звука, невольно закатив глаза. Мужчина скрючился на деревянном стуле со связанными за спиной руками. Скользкими от пота пальцами он отчаянно пытался развязать веревку, опутывающую запястья, словно любовник в нежном, но требовательном прикосновении. Лицо его было покрыто кровавыми подтеками и гематомами, левый глаз припух, разорванная одежда лоскутами спадала на пол, оголяя дряблую морщинистую кожу.

Мрак затопил кабинет, и лишь танцующий в камине огонь позади дрожащего пленника – месье Лумьера, известного в особых кругах необычным хобби, – слабо освещал пространство. Желтые и оранжевые отблески рисовали таинственные узоры на стенах и потолке, позволяя рассмотреть предметы мебели. В первую очередь взгляд останавливался на массивном столе, сделанном из темного дуба, и кресле с высокой резной спинкой. Во вторую – на забитых зловещими трофеями стеллажах, которые тянулись вдоль стен. Они настолько тесно прижимались друг к другу, что казалось, стоит одному из них исчезнуть, и комната рассыплется, превратившись в кристаллики морской соли. Сквозь шторы, обрамляющие небольшое окно, лился слабый лунный свет, точно протягивал прозрачную руку в попытке спасти изувеченного мужчину.

В аскетичном помещении находилось все необходимое для одержимого коллекционера частей тел моих сестер.

Заметив мой взгляд, наполненный презрением, Лумьер оскалился, продемонстрировав дыру вместо двух передних зубов, и прорычал:

– У тебя ничего не получится, чертова сирена! Тебя убьют, прежде чем ты попытаешься что-то украсть!

Я снисходительно улыбнулась узнику, будто ребенку, который ляпнул какую-то глупость, и, не сводя с него взгляда, аккуратно взяла с полки маленький флакон малинового цвета с пенящейся внутри жидкостью и, откупорив деревянную пробку большим пальцем, залпом выпила содержимое. Приятное тепло окутало тело, изучая каждый его уголок.

Глаза пленника, один – сине-черного цвета, точно небо перед грозой, второй – полностью белый, широко распахнулись, пока он наблюдал за моими действиями. Еще больше задержавшись на стуле в попытках освободиться, мужчина начал серьезно опасаться за сохранность коллекции пугающих трофеев.

Приблизившись, я положила холодные ладони на покрытые мелкими ссадинами плечи узника и вонзила когти в плоть, наслаждаясь беспомощностью и болью коллекционера. Начала медленно обходить коллекционера, словно акула, готовая к нападению. Я упивалась страхом убийцы, который напитывал комнату особым терпким ароматом. Остановившись за его спиной, провела кончиками пальцев по шее,

опускаясь вниз к позвонкам. Мужчина повел лопатками и дернулся назад, пытаясь задеть, но вызвал у меня новую волну раздражения, смешанную с жалостью к никчемному существованию Лумьера.

– Знаешь ли ты, Лумьер, что за все в этой жизни приходится платить? Наверняка ты думал, что, собирая моих сестер по частям, словно скот, обретешь величие и могущество, но догадывался ли ты, что это приведет к единому для всех существ исходу, – склонившись над ухом мужчины, тихо прошептала я, удовлетворенная рваным дыханием узника, которое он пытался унять, чтобы скрыть страх. – К смерти.

– Ты думаешь, что этот дрянной мальчишка сдержит обещание? Он сотрет тебя с лица земли, как только его братцу станет хоть на толику легче! – Выплывая каждое слово, словно яд, Лумьер резко дернулся вперед, пытаясь вонзить зубы в мое лицо.

Вовремя отпрянув и обойдя стул, я остановилась напротив пленника и, натянув ехидную улыбку, ударила по его колену, с наслаждением услышав хруст дробящихся костей.

Мой смех и яростный вопль коллекционера наполнили комнату. Двинувшись дальше вдоль рядов с редкими трофеями, каждый из которых я внимательно осматривала, остановилась, заметив резную шкатулку. Открыв ее и заглянув внутрь, не в состоянии сдержать ухмылки, достала небольшое яблоко, покрытое каплями росы, и, поднеся крова-

во-красный плод ко рту, медленно облизала влагу, наслаждаясь ее прохладой, и откусила, вытерев тыльной стороной ладони сок, стекающий по губам и подбородку.

– Не смей! Не смей! НЕ СМЕЙ! – Голос узника перешел на визг.

Это был плод, благословенный самой Алконостой – сестрой, которая одним мановением крыла смахивала с него росу и наделяла особой силой: защищать не только тело, но и разум. Плод хранил в себе кровь Вуивра, Короля змей, каждая капля которой приносила испившему невероятные богатства и исполнение желаний, а также душу Берегини, моей кровной сестры, зовущей к себе и желающей воссоединиться. Почувствовав легкий толчок в груди, я удовлетворенно кивнула, давая время трем душам, трем жертвам, стать единым целым.

Лумьер, ерзающий на стуле, казался совсем запуганным. Он часто и шумно дышал – его грудь судорожно поднималась и опускалась, словно узник не мог глубоко вдохнуть.

– Как же ты мне надоел со своими бесконечными криками.

Раздраженно произнеся эту фразу, я позволила сирене взять верх над телом, чувствуя, как болезненно проступают жабры, пока глаза заволакивает кровавая пелена.

Лумьер, открыв рот от ужаса, закричал еще отчаяннее и принялся подпрыгивать на стуле, чтобы ослабить веревку на запястьях.

Я бросила через плечо бесполезное надкушенное яблоко, свободной рукой схватила с ближайшей полки платок, принадлежащий Хозяйке рощи, которая властвовала над птицами и зверями и помогала заблудившимся путникам.

– Это должно тебе помочь найти дорогу в преисподнюю. – Заткнув глотку мужчины платком, я натянула ткань на затылке, отчего в уголках рта пленника выступили капли крови. – Знаешь, Лумьер, огонь очищает, смывает все грехи. Жаль, что ты сам не додумался до такого способа освобождения.

Коллекционер жалобно заскулил, не в силах произнести ни слова из-за кляпа во рту. Его глаза широко распахнулись, из них брызнули слезы.

Внимательно всматриваясь в огонь, который разгорался в камине за спиной мужчины, я не могла скрыть восторга от гениальности своего плана.

Одна из моих глупых сестер, влюбившись в смертного, умоляла Персефону на коленях дать ей свободу и воссоединиться с возлюбленным, поскольку носила под сердцем его ребенка. Дитя, порожденное морской и земной сущностью, хранившее силу обеих стихий. Если все получится, я займу место ребенка, вытесню его душу и заполню собой маленькое тельце, а после, сыграв роль послушной дочери, стану Королевой.

Будто прочитав мои мысли, Лумьер сильнее забился на стуле, пытаясь его перевернуть и разнести в щепки ради

спасения. С усмешкой наблюдая за нелепыми попытками остаться в живых, я подошла к камину, достала оттуда палку и, вернувшись, поднесла ее конец, охваченный желто-оранжевыми язычками, к шторе. Ткань моментально объяло пламенем, запах гари заполнил всю комнату.

Осталось лишь подождать пару минут, – и все будет кончено.

Короткое обтягивающее платье цвета кровавого заката, едва доходившее мне до колен, тоже вспыхнуло, вмиг превратившись в огненный цветок.

– Встретимся на другой стороне, если ты, конечно, выживешь.

Последнее, что я увидела, перед тем как провалиться в темноту, были предсмертные судороги Лумьера. Коллекционер, вытаращив глаза и дико вереща, встречал освобождение, полностью объятый пламенем.

...Казалось, прошло лишь мгновение, когда я снова распахнула глаза и закричала во всю мощь легких в теле младенца. Женские руки заботливо обхватили меня, крепко прижали и начали медленно гладить по голове, а ласковый голос запел тихую песенку. Успокоившись и замолчав, я прикрыла глаза и выдохнула, не до конца веря в происходящее, позволяя сну унести меня в мир грез.

Все задуманное свершилось.

Тела новорожденных детей, которые я использовала неоднократно, не могли справиться с моей силой. Умирая, едва

достигнув шести месяцев, их истинные души покидали землю, оставляя место печали и скорби. Но этот ребенок, эта девочка была особенной. Она была дочерью моей сестры.

Дочерью сирены.

Перед тем как переродиться, сжираемая пламенем, я молила Персефону о том, чтобы она сохранила мое первозданное человеческое обличье. Хотела, чтобы Охотник нашел меня такой, какой оставил тогда, в доме миссис Брейк.

Прошло семь лет с тех пор, как мои силы в теле ребенка начали проявляться, доставляя множество проблем и хлопот. Наблюдая с берега за детьми, которые, радостно визжа, плескались в море, испытывала к ним отвращение и нестерпимую злобу. Как только они выходили на берег, я вынуждена была натягивать любезную улыбку и продолжать неприкрытое общение, каждый раз ссылаясь на слабое здоровье, из-за которого мне нельзя плавать в море.

«Девушка, избегающая воды».

Так меня называли. Что ж, так оно и лучше.

Боясь, что сирена вырвется на свободу, показав в самый неподходящий момент истинный облик, хотела обратиться за помощью к истинной матери, но она игнорировала мои просьбы. Из раза в раз мое сердце болезненно сжималось от того, что я чувствовала себя поломанной куклой, выкинутой на берег, которая вынуждена самостоятельно залечивать раны.

В один из вечеров я сбежала из дома, никого не преду-

предив. Не прошло и часа, как мне явилась сестра. Она нашла меня в чаще леса, будто почувствовав затопившее душу отчаяние. Сестра осторожно присела рядом и разжала кулак. На ладони лежал кулон в виде светло-кремовой ракушки. Удивленно выгнув бровь, я провела маленькими пальцами по ее поверхности, ощущая неровности и сколы.

Сестра, коротко кивнув, передала украшение мне и, наклонившись, тихо произнесла:

– Я все знаю, моя дорогая Эмилия. Пусть этот кулон будет твоим спасением и заточением, пока ты не дойдешь до своей цели.

Я позволила себе слабость и прижалась худым телом к груди женщины, которая бережно поцеловала меня в макушку и принялась напевать грустную песню, смысл которой был понятен только нам.

Часть 1

Глава 1. Анафемор

Познай историю мира нашего.

Тысячу лет назад, когда существовало лишь два континента посреди бескрайнего Дарийского моря, Эрида, богиня раздора и хаоса, решила, что ей наскучило наблюдать за размеренной жизнью двух народов.

Сирция. Континент, на котором обитали чудовища. Круглый год цвели сады, воздух опьянял, вызывая эйфорию.

Смех, танцы, веселье были главными спутниками существ. Боги, создавшие чудовищ, внимательно наблюдали за своими детьми с Олимпа и благословляли их браки, принимая в семью новых детенышей, унаследовавших особенности обоих родителей. Вепри, ламии, суккубы, оборотни, кентавры, банши заселили вечнозеленые просторы Сирции.

Сирены, проводившие большую часть жизни в воде и воздухе, были главными защитницами и добытчицами пропитания на континенте. Зачастую они, рассекая воздух, быстро снижались в самый эпицентр раздоров, призывая чудовищ прекратить сеять смуту. Те, недолго думая, лишь кротко кивали, улыбаясь в ответ, – и на континенте снова воцарялись мир и покой. Сирен боялись и почитали, поскольку они были дочерьми самой Персефоны.

Людмирия. Континент, куда боги Олимпа заселили людей, дав им огонь, оружие и животных, благодаря которым они питались и поддерживали жизнь. Континент был покрыт массивными лесами, скрывающими дома от знойного солнца. Многочисленные речки и водоемы не иссыхали и наполнялись пресной водой каждый год.

Боги любили людей, поэтому даровали им одно из чудес Олимпа – источник молодости и здоровья, расположенный в самом сердце континента. Дорожка, ведущая к нему, была вымощена алыми цветами. Вокруг оазиса, который достигал около трех метров в глубину, ползали змеи, охраняя его. Яркий солнечный свет, полосами пробивающийся сквозь лист-

ву, позволял рассмотреть лишь небольшие участки земли, скрывая от человеческих глаз то, что таилось на дне. Только тот, кто чист сердцем и помыслами, мог испить воды, излечив все болезни. Смертный, желающий воспользоваться источником ради собственной выгоды, умирал мучительной смертью, пока яд змей проникал в его организм, после чего чудовища, приняв истинный облик, утаскивали мертвеца на дно. Никто из людей не догадывался, что змеи, замороженные богами, были ламиями – демоническими существами со змеиными хвостами вместо ног.

Оба народа не знали друг о друге, лишь ламии, заслужившие благословение богов, могли жить рядом с людьми и наблюдать за ними в образе змей. Бескрайнее море, заключившее в объятья оба континента, не позволяло даже сиренам беспрепятственно бороздить морские просторы. Вскоре морские девы лишились крыльев из-за прихоти Персефоны, их прародительницы, долгое время наблюдавшей за дочерьми. Богиня считала, что дочери смогут добраться до Олимпа и сместить ее, занять место, которым она так дорожила. Персефона, жадная до власти и могущества женщина, не могла допустить подобного, хотя ее творения никогда не позволяли даже думать о подобном. Когда безжалостное решение было принято, крики ужаса и боли поглотили континент: израненные сирены отползали к морю, и только вода теперь могла заглушить их страдания. Море, окрашенное кровью, заставляло чудовищ испытывать отчаяние и сжимать кулаки в бес-

сильной ненависти.

Эрида, богиня раздора и хаоса, долгое время наблюдала за чудовищами и людьми, изучая их повадки. Обратившись в старуху, она спустилась с Олимпа к людям и рассказала, что есть на свете континент, краше которого нет. Цветы там благоухали круглый год, существа, населяющие его, веселились и отдавались похоти там, где захочет душа. Ни стеснений, ни упреков, ни раздоров – каждый был свободен. Люди слушали с открытыми ртами и, не сомневаясь в ее словах, умоляли показать дорогу к этому месту. Эрида лишь усмехнулась и испарилась, оставив смертных в замешательстве.

Поднявшись на Олимп, она нашла своего дядю Посейдона и, воспользовавшись чарами, заставила его сдвинуть континенты и осушить часть моря, чтобы люди смогли добраться до Сирции. Вернувшись в Людмирию, она показала смертным, как строить лодки и корабли. Прошел не один месяц, прежде чем первое судно покинуло континент и причалило к берегам Сирции.

Люди, ступившие на земли чудовищ, не могли скрыть восторга. Солнце, восходящее над горизонтом, не обжигало, его лучи приятно касались кожи. Пение птиц доносилось со всех сторон. Дурманящий аромат наполнял тело неиссякаемым наваждением, избавлением от которого служили пленительные объятия. Пройдя в глубь леса, люди увидели населяющих континент существ, которые не были похожи на ужасных тварей из рассказов Эриды, хоть они и являлись обла-

дателями копыт, рогов, бледной кожи, крыльев или чешуи.

Богиня раздора, спрятавшись среди деревьев, ожидала, что чудовища набросятся на людей и уничтожат их, обглодав кости, но этого не случилось. Даже наоборот, чудовищ тянуло к людям, словно магнитом. Пропитавшая воздух эйфория влияла на всех одинаково: вызывала желание поцеловать незнакомца или незнакомку и заняться любовью – по-дикому, по-животному, прямо здесь, на траве.

Союзы между людьми и чудовищами были противоестественны. Однако, несмотря на протесты, кто-то из смертных согласился остаться на новом континенте, а кто-то из окрыленных любовным флером чудовищ отправился на родину к смертным. Люди, оставшиеся в Людмирии, с радостными возгласами встречали родственников и друзей на берегу, но стоило им завидеть тех, кого они привезли с собой, как в их сердцах моментально зародилось новое чувство – страх.

В Сирции и Людмирии рождались гибриды, внешне неотличимые от смертных, но обладающие необыкновенными способностями, которые нельзя было уничтожить или подавить. Дети, не справляющиеся с даром, умирали, не достигнув и семи лет. Чудовища, обезумевшие от горя, обвиняли в этом людей, ссылаясь на всепоглощающий человеческий ужас, который со временем пожирал носителя удивительных способностей. А люди, в свою очередь, одержимые страхом, доводили чудовищ до самоубийства. Они никогда не марали руки сами, но умело подталкивали чужестранцев в объятия

смерти.

Зевс, не знающий о кознях Эриды, пожалел обезумевших родителей и поднял с морских глубин еще пять континентов: Антилью, Сербонию, Парифиду, Лемию и Пранию. На каждый из них он заселил семьи, в которых рождались люди со способностями: кто-то обращался в сирену при контакте с водой, кто-то обладал недюжинной силой, кто-то питался кровью людей и их страхами, кто-то рождался со змеиным хвостом и мог понимать других пресмыкающихся.

Чудовища, прознав о судьбе сестер и братьев, которые отравились на родину людей и впоследствии совершали самоубийства, поклялись на крови, что отомстят за боль и слезы и никакие континенты, моря и расстояния не смогут их в этом остановить.

Так началась война людей и чудовищ.

Люди безжалостно истребляли существ: кентавров обезглавливали, гарпий заживо сжигали на кострах, суккубов насильно увозили с родных земель и оставляли гнить в железных клетках, где они не могли напитать тело мужской энергией, медленно и мучительно погибая.

Самая жестокая судьба постигла сирен. Поскольку они теперь могли беспрепятственно рассекать море и попадать на другие континенты, моряки заманивали их в ловушки. Когда подходило время охоты, убийцы делали из старых тряпок подобие затычек, брали с собой битое стекло, кинжал, выплавленный из стали, и соль. Они выставляли на берегу особую

приманку – молодого красивого нагого юношу – и с нетерпением ожидали сирену, которую тут же ловили в серебряные сети и силком тащили на берег. Лишенная покровительства моря, сирена тут же меняла облик: становилась похожа на девушку, принадлежность которой к волшебным существам выдавали шрамы на спине от потерянных крыльев, жабры на шее и алый оттенок глаз. Охотники очерчивали вокруг жертвы круг из соли, ставили коленями на битое стекло, чтобы она не смогла сбежать. Морская дева пыталась использовать дар и воздействовать на убийц пением, но самодельные затычки заглушали все звуки. Вдоволь насладившись мучениями сирены, люди насильовали ее, после чего убивали и выкидывали обратно в море на съедение рыбам.

Персефона, прародительница сирен, сходила с ума от горя, оплакивая дочерей. Зевс запретил вмешиваться в войну людей и чудовищ, вызвав волну негодования в душе Богини. Слепленная мстостью, она заманивала людские корабли в гигантские смертельные водовороты и штормы, безжалостно убивая их, чтобы возвести на человеческих костях остров. Эта земля должна была служить для сирен убежищем от смертных, но Богиня позабыла: даже самое безопасное место может стать логовом врага, если действиями движет любовь или жажда власти.

Когда дар сирен только начинал проявляться в теле ребенка, Персефона отводила их к морю и повелевала принять истинную сущность. Она открывала для них Сенерцию

– небольшой полуостров, скрытый от человеческих глаз острыми рифами, где сирены могли быть собой, не боясь уничтожения. Морские девы сидели на каменных выступках, смеялись, разговаривали и обсуждали охоту. Но вдали от тайного убежища им приходилось прятать истинный облик, используя кулоны: когда сирены выходили на поверхность, тайна оставалась нерушимой. Амулеты, будто магниты, настолько плотно соединялись с телом морских дев, что снять их с легкостью могли лишь сами владелицы, а остальные вынуждены были приложить немалые усилия. Но лишь тот, кто заключит кровавую сделку с сиреной, может прикасаться к заветному украшению.

Так Персефона обезопасила своих детей, но такая привилегия была дарована далеко не каждому.

Еще шестнадцать лет назад чудовища оставались изгнанниками, гонимыми человеческим страхом. Но все изменилось, когда одна из сирен, не побоявшись раскрыть свою истинную сущность, спасла маленькую дочурку Правителя Людмирии, которая случайно упала в воду. После этого по всем континентам были отозваны приказы Правительства об убийстве сирен, сделав морских дев полноценными членами общества. Власть осознала, какую пользу могут принести сирены для развития мореплавания и торговли.

Однако люди не смогли принять такое положение дел и подавить в себе многолетнюю ненависть. Ночами они выслеживали несчастных девушек, заманивали в ловушки, кото-

рые устраивали в собственных домах. Глупцы не знали, что обычным оружием нас не умертвить: лишь безразличие к пению может погубить души сирен.

Чудовища знали, что придет их время. Придет час расплаты за все те муки и агонии, которые испытали их предки.

Глава 2. Остров сирен

Притворись – и будешь ты спасен.

...И будешь ты проклят, покуда душа твоя не сгниет. И будешь ты проклят, покуда не искупишь грехи перед душой загубленной. И будешь ты проклят, покуда не станешь рабом.

Запах жженой плоти пропитал воздух.

Метка Персефоны.

Проклятье, обрекающее на вечную жизнь и страдание, пока вина перед погубленной душой не будет искуплена.

Исходящий от меня запах сирены убедил Персефону, что это я убил чудовище. Но жертва была еще жива. Кровь сирены, подобно яду, растекалась по моим венам, заставляя терять голову от желания обладать девушкой, сделать ее своей, стать ее рабом. Если бы я только знал, чем это все закончится, то непременно убил бы морскую деву еще тогда, двадцать лет назад.

Тело дрожало от измождения. Привкус металла, наполнивший рот, вызывал тошноту. Промокшая одежда липла к телу, при каждом движении издавая хлюпающие звуки. Цепляясь руками за песок и заставляя себя двигаться вперед, я крепко сжал челюсти. Мелкие ракушки, усыпавшие берег, больно царапали кожу сквозь порванную ткань на брюках,

оставляя неглубокие порезы и ссадины.

Оказавшись на суше, я бессильно рухнул на спину, почувствовав, как песок попадает в кровоточащие раны на теле. При каждом вздохе ощущал невероятную боль. Разорвав остатки рубашки, дрожащими пальцами провел вдоль груди и поднес ладони к глазам. Кровь. Ни намека на пылающую метку. Засмеявшись, я схватил горсть песка и кинул в сторону моря, гневно крикнув:

– Чтобы ты сдохла, гнусная тварь!

Приподнявшись, я согнул ноги в коленях и положил на них руки, скрепив ладони в замок. Нервно покусывая нижнюю губу, силился понять, как далеко оказался от дома. Позади высился непроглядный лес, напоминающий джунгли. Лишь небольшой проходимый участок земли около моря был единственным спасением.

Судорожно проведя руками по поясу на штанах, я пальцами нащупал небольшой нож, который местами заржавел от воды. Наткнувшись взглядом на свое отражение в лезвии, не смог сдержать нервного смеха. Браслет оказался не такой уж бесполезной безделушкой, доставшейся мне от Персефоны, сразу напомнив о сделке.

Глубоко вздохнув, я сжал рукоятку оружия и резко, пока не передумал, вонзил себе в грудь.

Мимолетная вспышка боли и крик.

Капли упали на песок, алые, как и глаза морских чудовищ. Вырвав острие из податливой плоти, я отшвырнул нож

в сторону, выругавшись под нос. Прикоснувшись дрожащими пальцами к ране, почувствовал, как кожа стремительно затягивается.

Раз я не могу убить тебя, то было бы крайне неразумно позволить тебе это сделать самому. Я хочу, чтобы ты страдал. Видел, как умирают те, кто тебе дорог, как их тела превращаются в прах.

Ты обречен на вечные муки, Охотник.

Если уж трезубец не смог умертвить, что уж говорить о каком-то жалком ножичке.

Я взвыл, запрокинув голову. Горло и легкие жгло. В груди пульсировало. Успокоившись, лег на песок, позволив прибою лизать ноги, и, сам того не ожидая, уснул.

Разбудил меня мелодичный женский смех, которой доносился из-за валунов в сотне метров от берега. Быстрым движением я поднялся на ноги, о чем моментально пожалел. Рана хоть и затянулась, но кожу неприятно покалывало, будто невидимые руки тянули края шрама в разные стороны, пытаюсь проникнуть в грудную клетку. Совладав с болью, я прищурился и увидел, как две девушки плескаются в воде. Луна, освещающая водную гладь, скрывала лица, но я не мог их ни с кем спутать.

Сирены.

Тайный остров.

Оглядевшись, не заметил других тварей и, засунув два пальца в рот, свистнул. Ничего умнее я не успел придум-

мать, поскольку мне необходимо было привлечь их внимание. Морские девы моментально повернулись в мою сторону и склонили головы набок, изучая. Хищные улыбки расширились, искажая рты, стоило им только завидеть, как я начал снимать с себя одежду, бросая под ноги. Сирены не могли сказать нет мужчине, готовому раздеться перед ними: так жертва показывала полное повиновение, вверяя судьбу чудовищам.

Избавившись от штанов, я уверенным шагом направился к морю, почувствовав кожей его блаженную прохладу. Согретая солнцем вода была подобна парному молоку. Отплыв на несколько десятков метров от берега, я почувствовал слабые прикосновения под водой, будто кто-то пытался дотронуться до меня.

Откинувшись на спину и быстро работая руками, я поспешил на берег и увидел, как одна из сирен следует за мной. Почувствовав ногами песчаное дно, выбрался из воды и встал посреди пляжа. Изогнув губы в усмешке, я протянул руку к сирене, приглашая присоединиться ко мне. Алые глаза жадно изучали мое тело и лицо. Задержав взгляд на бедрах, которые не скрывала одежда, она облизнула нижнюю губу. Когда чудовище почти выбралось из моря, я заметил едва уловимое движение под водой, будто кто-то хотел утащить сирену обратно, в безопасные объятия моря.

– Я весь твой, – начал умолять дрожащим голосом для лучшего эффекта. – Позволь исполнить все твои желания, поз-

воль стать твоим рабом. Моя душа и тело принадлежат только тебе. Прошу, не оставляй меня!

Слова произвели должное впечатление, и сирена, ускорив шаг, приближалась, соблазнительно виляя бедрами. Вместо хвоста появилась пара ног, однако жабры и красный оттенок глаз никуда не исчезли. Сжав кулаки, я внимательно наблюдал за каждым движением, готовясь выхватить нож, который лежал в нескольких метрах от меня в грудке грязной одежды.

Когда между нами осталось всего несколько метров, я рванул вперед и хищно сжал шею сирены, застав ее врасплох. Пытаясь достать до моего лица когтями, она, словно одержимая, начала вырываться, чувствуя, что я тащу ее дальше от воды. Вторая сирена куда-то пропала. Оно и к лучшему. Но я недооценил одного: стоило мне слегка ослабить хватку, почувствовав, что сирена тяжело задышала, как она дала мне под дых и ринулась обратно. Выругавшись, я бросился следом.

Догнав сирену, когда вода была уже мне по колено, и опасаясь нападения со стороны ее сородичей, я сильнее схватил беглянку за шею и, приподняв увертливое тело, швырнул на берег. Та, врезавшись в песок, жалобно заскулила и кинула на меня умоляющий взгляд. Черные, словно зола, волосы волнами спадали на спину. Миндалевидные глаза, чуть вздернутый нос, пухлые губы – меня не тронули эти соблазнительные черты. Да и на вид девочке можно было дать не больше пятнадцати.

Я отбросил жалость и разговоры. Присев около дрожащего ребенка на корточки, чуть склонил голову набок и ткнул пальцем себе в грудь, где чернела метка. Сирена, проследив за моими движениями, испуганно распахнула глаза и приоткрыла рот, не издав ни звука.

– Поможешь мне добраться до дома и можешь быть свободна. Стоит тебе сделать лишь одно неверное движение, и я сверну тебе шею. Ты поняла меня?

Тишина.

– Ты поняла меня? – громче и злее спросил ее. Сирена подняла на меня взгляд, медленно кивнула.

– Вставай, я скажу тебе, куда мне надо добраться.

Я протянул руку, но сирена лишь испуганно отшатнулась, вцепившись руками в песок. Она сжала кулак, собираясь – стоило зазеваться – кинуть мне в глаза осколки ракушек. Устало проведя ладонью по лицу, я издал тихое рычание.

– З-зачем тебе д-домой? – тихо спросила сирена, обхватив дрожащее тело руками.

– Чтобы убить одну из подобных тебе тварей. Но для начала, – мое лицо свело от оскала, – я как следует развлежусь.

Глава 3

*Лишь открывшись навстречу воспоминаниям,
ты сможешь понять свои истинные желания.*

Эмилия

Сегодня настал самый долгожданный праздник в году – открытие городской ярмарки, которая будет длиться целую неделю. Это те семь дней, когда я не боялась разоблачения, потому что все жители были слишком заняты предстоящей суматохой. После изнурительных часов, проведенных на площади, я могла позволить себе ночью оказаться в объятиях моря, разрывая сдерживающие оковы и проявляя истинную сущность сирены.

Я давала свободу нам обеим.

Вскочив с кровати до рассвета, я начала ходить по комнате из угла в угол и мысленно представлять, что же будет интересного на ярмарке в этом году. Может, кто-то объявит о помолвке или какая-то ревнивая женушка на глазах у толпы будет избивать мужа веером за то, что несчастный окинул мимолетным взглядом артистку, играющую на маракасах в весьма откровенном наряде. Подойдя к окну, распахнула лиловые шторы: со стороны рынка, где обычно и проходила яр-

марка, слышался смех и разговоры, заглушаемые возгласами артистов и торговцев. Палатки, расположенные напротив друг друга и обрамленные яркими тканями, переливались на солнце, создавая некое подобие длинного коридора для передвижения множества людей, прибывших на празднество. Для хранения одежды, провизии и инструментов бродячих музыкантов выделялся небольшой уголок в самом конце ряда, скрытый от посторонних взглядов склоненными ветвями деревьев.

Антилья – континент, на котором я родилась, – была устлана деревьями, достигавшими в высоту десятки метров. На местах вырубки лесов люди строили дома, кабаки, магазины и дома удовольствий, превратив эту землю в кипящий жизнью оазис. Антилья – главный поставщик древесины для других государств, которые использовали ее для постройки кораблей и судов. Например, на Парифиде из деревьев, кустарников и цветов делали амулеты и кулоны, блокирующие силу чудовищ, живущих по соседству с людьми. Но, безусловно, даже Антилья не могла сравниться с вечнозеленым островом Лемия.

Дриады, населяющие континент, возрождали мраморные деревья, на которых росли необычные плоды хеансы – ягоды здоровья и долголетия, вкусить которые было дозволено далеко не всем существам. Стоило дитяти природы достигнуть шестнадцатилетнего возраста, как она проходила отбор. Дриаде было необходимо на глазах у старейшин при помощи

магии возродить, напитать силами и уничтожить плод граната, символизирующий бессмертие и воскрешение. Лишь поистине могущественный лесной дух мог сотворить подобное. Доступны хеансы были далеко не каждому – люди продавали все нажитое, чтобы обрести здоровье и долголетие. Но самую высокую цену платили дриады: возродительницы мраморных деревьев жертвовали чревом, лишая себя счастья материнства. Многие дриады после ритуала заканчивали жизнь самоубийством, не желая мириться с горькой участью.

Сладко потянувшись, я обернулась и лениво обвела взглядом комнату. Она была обставлена небогато, но со вкусом: массивная кровать из белого дуба с каркасом из натуральных веток и ажурным белоснежным балдахином в тон простыням занимала большую часть комнаты; шкаф, резьба на дверцах которого создавала объемные элементы в виде виноградной лозы, стоял в нескольких метрах от постели. Стол, стул и зеркало теснились в углу комнаты. Окно слева от кровати было покрыто пылью и разводами от капель прошедшего накануне дождя, но сейчас пропускало достаточно солнечного света. Шторы легкими волнами струились по обеим сторонам от окна и выглядели бы превосходно, если бы не кричащий лиловый цвет, от одного вида которого меня начинало тошнить. Однако каждый раз я только мило улыбалась и восхищалась изысканным вкусом хозяина поместья Генри, потому что не хотела его обидеть. Стены и потолок,

покрытые краской светло-небесного цвета, невольно вызывали мысли о море – истинном доме.

Углубившись в мысли, я не сразу услышала тихий стук в дверь.

– Можно? – робко спросил женский голос.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и вовремя успела прикрыть рот рукой, чтобы никто не услышал мои вопли, а другой – сжала кулон на шее, который блокировал мою силу. Немного успокоившись и глубоко вздохнув, четко и громко произнесла:

– Да, Анна, можешь войти.

На пороге показалась женщина лет пятидесяти, в темном платье, лицо которой избороздили старческие морщины, а руки – грубые мозоли от постоянной работы по дому. Пластик на голове не смог полностью прикрыть вьющиеся темные кудри, тронутые первыми признаками седины. Глубоко посаженные серо-голубые глаза каждый раз смотрели на меня с тоской и сожалением. Иногда ловила себя на мысли, будто Анна пристально следит за каждым моим шагом, желая, чтобы я приняла ее доброту и тепло за чистую монету, в то время как она смогла бы подобраться поближе и разузнать секреты, хранящиеся в самых темных уголках моей души. Усмехнувшись и облокотившись плечом о стенку шкафа, я скрестила руки на груди и пристально посмотрела на женщину.

Анна немного постояла в проеме, затем вошла и медленно

закрыла дверь. Сделав несколько шагов в глубь комнаты, она тихо сказала:

– Эмилия, присядь.

Я закатила глаза, выражая тем самым недовольство, и не сдвинулась с места. Прошло несколько секунд, Анна все молчала. Тогда я сделала жест рукой, призывая ее заговорить первой. Она давно привыкла к моему характеру: вспыльчивому, дерзкому, бескомпромиссному.

Прошло шестнадцать лет с момента моего перерождения в человеческом теле. Шестнадцать лет, как я изворачиваюсь, изучая и перенимая повадки людей и их стиль общения. Но я все еще злилась, как тогда, в семь лет, когда наблюдала за резвившимися в воде сверстниками, выжидая. Пришлось отказаться от многого, чтобы избежать разоблачения: у меня не было ни друзей, ни знакомых, я не искала поддержки более влиятельных людей или любовных отношений, не подпускала близко тех, кто мог заглянуть в душу и вырвать защитные шипы с корнем.

Анна прокашлялась и начала рассказ:

– Вчера вечером, прежде чем пойти в свою комнату, я подслушала разговор между двумя служанками, которые работают в домах по соседству... – Женщина запнулась, пытаясь подобрать слова, а я сгорала от нетерпения, желая услышать что-то интригующее. – Дело в том, что сегодня на главной площади хотят казнить пирата. Он единственный, кто выжил после морского сражения. Молодой еще совсем, жизни

не видел... Казнить будут через повешение. Я... я не хочу, чтобы ты туда шла, Эмилия. Я чувствую, что случится нечто плохое.

Я слегка изогнула бровь и состроила недовольное выражение лица, стараясь понять, что такого плохого может произойти на обычной казни. Взвесив все «за» и «против», равнодушно спросила:

– Это, например, что? Неужели после казни пират вдруг воскреснет? – Усмехнувшись, кинула острый взгляд в сторону Анны, заметив на ее лице беспокойство.

Женщина промолчала.

– Если это все, что ты хотела сказать, то будь добра, не мешай мне собираться и закрой дверь с той стороны. Мы... я целый год ждала эту ярмарку, и меня не спугнет даже смерть пирата и твое глупое предчувствие.

После этого я демонстративно отвернулась, достала из шкафа платье и, кинув его на кровать, принялась руками разглаживать небольшие складки на тонкой ткани. Внешне я была непоколебима, но внутри все трепетало: проснулся страх совершить непоправимую ошибку. Ведь никто не должен знать мою истинную сущность.

Анна устало вздохнула, развернулась, тихонько открыла дверь и, прежде чем выйти, сказала:

– Ты еще пожалеешь о том, что не послушалась.

Громко хлопнув дверью, она оставила меня один на один с брошенными словами.

Негромко засмеявшись, я надела платье, подошла к зеркалу и внимательно всмотрелась в знакомое за многие десятилетия овальное лицо, обрамленное золотисто-рыжими ниспадающими до талии волосами – моя просьба сохранить прежнюю внешность все-таки исполнилась. Черты были настолько человечны, настолько правильны, что никто не смог бы догадаться о моей тайне. Я всегда гордилась янтарными локонами, представляя, сколько мужчин хотели бы зарыться в них ладонями и притянуть к себе. Пухлые нежно-розовые губы, длинные ресницы, миндалевидные зеленые глаза – одним только взглядом могла легко свести с ума любого мужчину, но не этого требовала моя истинная сущность. Единственное, что мне не нравилось, – тонкий, слегка вздернутый нос, который придавал лицу игривое выражение, из-за чего ко мне многие относились несерьезно, считая легкомысленной и ветреной. Хотя это тоже было мне на руку. Ростом я, к сожалению, как и все сирены, похвастаться не могла: изда-дека меня путали с подростком лет тринадцати.

Платье из шелка цвета спелой вишни казалось невесомым, пояс подчеркивал фигуру. Тонкие лямки, усеянные мелким алым бисером, почти сливались с нарядом, но стоило солнцу протянуть лучи, как они засияли радугой. Изначально платье доходило мне почти до пят, но я, не спавшая до рассвета, за несколько часов перекроила наряд, чтобы при ходьбе шелк струился, соблазнительно оголяя бедро. Карманы были расшиты бисером такого же оттенка, что и лямки,

создавая витиеватые узоры.

Прикоснувшись к кулону, я слегка отвела его в сторону, оголяя маленький участок кожи на груди и позволяя сирене вынырнуть на поверхность. Приятное тепло разлилось по телу, глаза заволокла алая пелена, на шее раскрылись рваными бутонами жабры. Предвкушая казнь пирата, я широко улыбнулась, обнажив мелкие заостренные зубы. Пусть и не стану погибелью для мальчишки, но наблюдать за его мучениями – истинное наслаждение.

* * *

Спустя несколько часов мы с Генри шли бок о бок и скупали все сладости, которые оказывались у нас на пути. Хотя мое лицо светилось от счастья, я прокручивала в голове слова Анны, чтобы понять: это была угроза или предупреждение? Наблюдая за детьми, носившимися вокруг в старых лохмотьях, невольно вспомнила то, что отчаянно пыталась забыть.

Измученная жаждой и голодом, я бежала сломя голову от двух мужчин, которые пытались меня догнать и отрубить руки за воровство. Как бы тяжело ни было, не могла применить чары, выдав тем самым себя.

Споткнувшись, я упала на землю, прижимая к груди сгнившее украденное яблоко и, не в силах пошевелиться от сковывающего страха, наблюдала, как стражи стре-

нительно приближались. В руках у них сверкали короткие шпаги, лезвия которых легко вспарывали горло, не позволяя жертве даже осознать кончину.

В переулке не было никого, кто мог бы мне помочь. Лишь издав короткий крик, я почувствовала, как правую сторону лица пронзила жгучая боль и, прижав ладонь к щеке, начала медленно ее поглаживать, стараясь сдержать нахлынувшие слезы. Наверняка останется след от мужской ладони, причину появления которого не смогу объяснить матери. Хотя кого я обманываю? Она его даже не заметит, как не замечала моего существования вот уже несколько лет.

Внезапно совсем близко раздался два выстрела, от звука которых я обхватила голову руками, до крови прикусив нижнюю губу, чтобы не закричать. Окружившие меня стражники лежали на земле – они были мертвы. Лишь когда тяжелая теплая ладонь легла мне на плечо, осторожно поглаживая кожу большим пальцем, я поняла, что опасность миновала. Спасение я нашла в Генри. Мне тогда едва исполнилось двенадцать лет.

Вдруг раздался громкий голос, который принадлежал мужчине:

– Народ, торопись! Только сегодня через пару минут главное шоу дня – казнь пирата! Не пропусти! Вам будет о чем посплетничать на досуге!

Меня как будто окатили холодной водой. Значит, Анна была права – казнь состоится, причем прямо сейчас!

Предвкушение, наполнившее тело, настолько взбудоражило и взволновало, что, подхватив подол платья, я устремилась на площадь, совершенно забыв про Генри. Вскоре я уже стояла в первых рядах перед помостом для казни. Мысленно считая секунды до начала зрелища, вскинула голову, где среди небесно-голубого пространства покачивалась от игривого ветерка толстая петля. Генри затерялся в улюлюкающей толпе, которая сомкнулась за моей спиной, но я не обратила на это никакого внимания.

Спустя несколько долгих минут ожидания на площадке эшафота молча вышел палач: остроконечный капюшон скрывал его лицо. За собой он тащил, схватив за патлатые кудри мясистой пятерней, худого мальчишку лет пятнадцати. Я могла разглядеть, как выпирали его кости, обтянутые бледной кожей, лицо покрывала пыль вперемешку с кровью.

Палач одним грубым рывком поставил брыкающегося мальчишку на заранее поставленную табуретку и начал деловито затягивать петлю на тощей шее. Я крепко сжала губы, чтобы скрыть возбуждение. Вена на шее болезненно пульсировала, мурашки пробежали по всему телу.

Я желала большего: стать погибелью пирата. Сорвать кулон, мощным прыжком вскочить на эшафот и рубануть когтями по грудной клетке мальчишки, вскрыть ее, точно створки ракушки, насладиться мучениями и криками жертвы. Стараясь незаметно потерять невыносимо зудящую кожу, я задела локтем рядом стоящего мужчину и, тихо выругав-

шись, натянула на лицо глупую улыбку.

– Извините! Извините, пожалуйста, я не хотела! – «Думай, Эмилия, думай, как выкрутиться!» – Пока бежала сюда, вспотела, словно мышь, все тело зудит!

Осознав, что сморозила глупость, еще раз тихо выругалась себе под нос и быстро отвернулась. Но почти сразу же почувствовала легкое прикосновение ладони к спине и замерла, затаив дыхание. Я никак не могла избавиться от бессмысленного страха, что кто-то почувствует следы от шрамов, которые давно зажили благодаря лечебному соку особой ягоды. Но воспоминания оказались слишком яркими и болезненными: вырванные по жестокой прихоти Персефоны крылья оставляли уродливые рытвины на лопатках сирен.

Стоило моим сестрам лишь услышать детский пронзительный крик новорожденного младенца, как они всячески пытались спасти необычное дитя от Богини. Персефона, гонимая собственным безумством, лишала младенцев крыльев, оставляя их истекать кровью и ожидая, когда лесные духи придут на помощь и полностью исцелят глубокие раны.

Кто-то наклонился к моему уху и чуть слышно прошептал:

– Как возбужденно вы потираете кожу на шее. Можете продолжать, я не против.

Изогнув бровь, я резко развернулась на пятках, чтобы выразить недовольство, но все слова улетучились: передо мной стоял высокий молодой человек с темными, рвано постри-

женными волосами, будто он сам отрезал их тупым ножом всего несколько минут назад. Взгляд голубых слегка прищуренных глаз пронзал насквозь, отчего сердце пропустило удар. Левую щеку рассекал шрам, придавая мужчине особую привлекательность. Тонкие губы приковывали к себе взгляд, заставляя ими любоваться, но назвать его красавцем я не могла. Черты лица незнакомца смутно напоминали кого-то, и, чтобы не поддасться соблазну погрузиться в воспоминания, быстро тряхнула головой и произнесла:

– Смею заметить, что вы не единственный, кто желает наблюдать за мной. – Вскинув подбородок, посмотрела в глаза незнакомцу.

Мужчина криво усмехнулся. Его белоснежная рубашка была расстегнута на две верхние пуговицы. Серые штаны, подпоясанные черным кожаным ремнем, обтягивали бедра.

– Пользуетесь успехом благодаря внешности? – Издевательский тон заставил сжать в негодовании и гневе кулаки.

Натянув улыбку и едва ли не скрипя зубами, я бросила:

– Пользуюсь успехом благодаря своей независимости и умению видеть людей насквозь.

Внезапно толпа зашла в неистовых бурлящих возгласах, заставив меня обратить внимание на эшафот. Мальчишка уже болтался в петле, а палач затерялся среди ликующих людей.

Сколько времени прошло, пока я разглядывала незнакомца? Как умудрилась пропустить возбуждающий треск лома-

ющихся шейных позвонков?

Раздраженно фыркнув, повернулась, намереваясь высказать незнакомцу все, что о нем думаю, но он куда-то исчез. В кармане платья я нащупала маленькую записку.

«До встречи, Эмилия».

Глава 4

*Подружись со своими пороками, да спасут они
жизнь тебе однажды.*

Генри

Эмилия стала мне родной после того, как я встретил ее на рынке, голодную и грязную, в рваном платье, которое еле-еле прикрывало колени. Увидев, как она жадно хватается с прилавка сгнившее яблоко, как бежит от двух разъяренных стражников, желающих проучить девчонку за воровство, принял решение: я заберу этого маленького птенчика себе, даже если стражам придется поплатиться жизнями, не стоящими для меня и копейки.

Приехав в особняк, первым делом приказал Анне накормить девочку, искупать в теплой ванне и уложить спать, отменяя тем самым все разговоры и допросы. Жена у меня умерла вместе с ребенком во время родов, и после этого я не решался вступить в брак и обзавестись детьми. Жил в достатке отшельником. Лишь Анна, верная служанка, пыталась скрасить череду унылых блеклых дней. Вскоре я нанял еще несколько молодых девушек в качестве горничных, чтобы они присматривали за домом и выполняли указания Ан-

ны, поскольку та уже начинала терять хватку из-за возраста: многие дела стали женщине не под силу.

Поначалу я думал, что Эмилия – тихая, скромная, запуганная жизнью двенадцатилетняя девочка, но – боже! – как же я ошибался. С ней невозможно было договориться. Любое распоряжение она горячо оспаривала: если ее что-то не устраивало, она бросала колкие слова и клялась покинуть дом. Ванну всегда принимала в одиночестве, не подпуская даже на порог Анну, которая от чистого сердца пыталась помочь девочке адаптироваться к новым условиям.

Я учил малышку манерам, основам торгового ремесла, она же взамен удовлетворяла мою потребность быть нужным. Вечерами мы читали книги о морских путешествиях и принцессах, похищенных пиратами, про ненависть, перерастающую в любовь, но у Эмилии был всегда один ответ на все: любви, благодарности и добра не существует. Из-за подобных фраз я чувствовал вечную боль девочки, которая шипом засела в сердце маленького ребенка, но не мог избавить Эмилию от этого бремени, хоть и пытался.

Да к тому же в море было неспокойно. Корабли вместе с командами пропадали бесследно, к берегам причаливали лишь обломки некогда огромных судов. Все чаще женщины и дети тонули в море беспричинно и мгновенно. Многие торговцы несколько лет не выходили в открытые воды, боясь повторить горькую судьбу тех, кто отважился на такой шаг: разбухшие, изъеденные падальщиками тела все чаще вылав-

ливали между камнями.

Томимый думами, я надеялся найти утешение в Эмилии, но необъяснимая тоска сжирала меня изнутри, и вскоре нашелся выход – игра в кости. Почти каждый вечер я навещал местный кабак, проигрывая оставшееся наследство и напираясь до беспамятства. Если Эмилия и знала о моей пагубной привычке, то старалась не разжигать огонь между нами, пытаясь сохранить тот мир, который еще существовал. Лишь ее взгляды, полные упрека и немой мольбы, заставляли сердце сжиматься и чувствовать вину за проступки.

В тот ярмарочный день, когда Эмилия рванула к эшафоту и затерялась в толпе, я решительно направился в кабак. Уже через несколько часов во власти хмеля поднимал руку с кружкой и громко кричал:

– Поднимаем ставки! Всем пива за мой счет! – И делал три больших жадных глотка.

Охваченный волной азарта, который окутывал кабак и поглощал его целиком, я не до конца осознавал, что творю. Все казалось таким правильным, отчего в сердце поселилась надежда: сегодня удача в моей власти. Через неделю мне должно исполниться всего сорок пять лет, но я уже чувствовал себя стариком: не столько физически, сколько морально. Мне хотелось верить, что еще способен сделать что-то стоящее...

Ради своей дочери.

В тот ярмарочный день, плавно перетекший в сумрачный вечер, только одно не давало мне покоя – незнакомец, сидев-

ший в темном углу за дальним столиком. Он долго и непрерывно смотрел на меня, как зверь, желающий накинуться на добычу и растерзать ее.

Я быстро выкинул эту мысль из головы и снова принялся за кости, стараясь не обращать на незнакомца внимания. Если до этого момента мне несказанно везло, то теперь я проигрывал больше, чем ставил, но все равно хотел бросить кости еще и еще. Стоило сделать очередную ставку, как вдруг почувствовал за спиной какое-то движение и кинул взгляд через плечо. Позади стоял лысый угрюмый мужчина и крутил в руках короткий нож. Мотнув головой в сторону двери, он четко дал понять, что нужно поговорить.

Сглотнув неприятный ком в горле, я встал и, сказав товарищам, что мне нужно ненадолго отойти, поплелся в сторону двери на негнущихся ногах. Когда мы оказались на улице, головорез резко схватил меня за рубашку и впечатал спиной к стене.

– За что, ч-что я сделал? Что вам надо? Д-денег? У меня нет д-денег, но я мог-гу отработать! – От испуга я начал заикаться, мой голос больше походил на писк, нежели бас взрослого мужчины.

Головорез отпустил ворот рубашки, отошел на некоторое расстояние и, ловко прокручивая нож между пальцами, заговорил:

– Ты, наверно, забыл, старик, как занимал у меня приличную сумму неделю назад? – Он надвигался, не выпуская из

рук оружие. – Где мои деньги? Или ты был настолько пьян, что забыл про долг?

В этот момент я не смел даже дышать. Действительно, неделю назад я занимал деньги, но мне казалось, что уже все отдал.

– Не слышу, где мои деньги? – повторил головорез, вплотную подойдя и проведя кончиком ножа по моей щеке. – Не играй с огнем, старик, иначе твоей девчонке придется отрабатывать каждый цент, который ты мне должен. Поверь, ее мольбы о смерти будут для моих ушей слаще песен.

Скосив взгляд, я почувствовал, как по щеке течет струйка крови, и, стараясь не показать волнения, тихо выдохнул. Хотел было ответить, но меня перебили:

– Эй, мужик, не видишь, старику пора спать. Отойди, дай я его провожу, а то заблудится еще по пьяни, напутает, куда идти, шуму наделает.

Стараясь унять бешеное сердцебиение, я медленно перевел взгляд в сторону, откуда раздался голос, и шумно втянул воздух. Тот самый незнакомец, который сидел в темном углу и внимательно следил за каждым моим движением. Руки у него были сложены на груди, брови нахмурены, выражение лица не предвещало ничего хорошего. На запястье виднелся браслет черного цвета, который переливался в лунном свете и издали напоминал змеиную шкуру.

Не услышав ответа, незнакомец настойчиво повторил:

– Я что, неясно сказал? Оставь старика в покое и гуляй

дальше.

Все произошло мгновенно, не дав мне возможности хоть что-то понять. Головорез бросился на незнакомца, с такой яростью замахиваясь ножом, что я не смог подавить тихий вскрик, вырвавшийся изо рта. От нахлынувшего страха крепко смежил веки и застыл на несколько минут, слыша неподалеку только громкие удары, пока плечо не сжала крепкая мужская рука.

– Нет, н-не трогайте! Я отд-дам все до копейки! Я все отработаю!

Послышался залиvistый смех, заставивший удивленно распахнуть глаза. Головорез лежал на земле с ножом в горле, а незнакомец из кабака стоял напротив, вытирая руку о полы рубашки. Тошнота подкатила к горлу, но я сдержался и лишь глубоко вдохнул, стараясь унять дрожь.

– С-спасибо, – только и смог вымолвить.

Незнакомец улыбнулся краем губ, шрам на его лице изогнулся, из-за чего лицо превратилось в пугающую гримасу. Ободряюще похлопав по плечу, он осторожно вытер большим пальцем почти засохшую кровь с моей щеки, заставив съежиться от испуга.

– Я... т-ты... что я могу сделать тебе за спасение? Если бы не т-ты, я уже был бы мертв... – Глаза наполнились слезами.

Я вспомнил смех Эмилии, ее требовательный, рассекающий воздух голос, когда она пыталась что-то доказать, и непроизвольно улыбнулся. Сердце сжалось от тоски: если бы

не этот незнакомец, я мог ее больше не увидеть. Свою Эмилию. Свою дочь, хоть и не кровную.

Незнакомец с легкостью прочитал обуревавшие меня эмоции. Он громко усмехнулся, но без издевки, скорее печально.

– Давай для начала я провожу тебя до дома и по дороге расскажу, кем ты можешь меня отблагодарить спустя пару лет.

Я не принял его слова всерьез, подумав, что от пережитого страха не до конца расслышал конец фразы, но то, что он предложил взамен спасению, заставило ужаснуться.

Глава 5

*Нельзя заставить воспоминания обернуться
вспять.*

Эмилия

Сегодня я могу позволить себе все, поскольку наступил мой день рождения. Мне исполнилось восемнадцать.

Проснувшись с первыми лучами солнца, я сладко потянулась в кровати и зажмурила глаза от удовольствия. Громко выдохнув, решила, что не стоит терять ни минуты драгоценного времени, и резко вскочила на ноги.

Скинув ночную рубашку, наполнила таз прохладной водой, умыла лицо, руки и, обтерев их полотенцем, не сдержала ухмылки. Глаза на мгновение затянуло пеленой, которая возникала каждый раз, когда защитный амулет не соприкасался с кожей.

Подойдя к шкафу и распахнув дверцы, я была готова надеть то платье, которое за годы потрепалось меньше всего, но, заметив внизу коробку, перевязанную бантом, удивленно выгнула бровь. Аккуратно достав подарок из шкафа, я медленно направилась в сторону кровати. Усевшись на самый край, положила коробку на колени и закрыла глаза, чтобы

потренировать чутье и определить, что там лежит. Потерпев фиаско и разочарованно цокнув языком, я распахнула глаза и, ухватившись за края крышки, резко потянула ее на себя.

Внутри лежало красное атласное платье. Бросив мимо-летний взгляд на коробку, обнаружила открытку, прикрепленную к ожерелью, которое отдаленно напоминало массивный серебристый прямоугольник, словно ошейник. Положив платье на кровать, я перевернула открытку и прочитала надпись, сделанную красивым почерком:

«Моей сирене. Оно прекрасно подойдет к твоим глазам».

Сердце пропустило удар.

Никто не знал и не мог знать обо мне, разве что...

Смахнув с лица растрепанные кудри, я с ненавистью снова взглянула на платье. Оно манило, тянуло к себе. Не в силах сопротивляться, надела подарок и подошла к зеркалу, внимательно всматриваясь в отражение. Тонкие руки покрылись мурашками из-за слишком открытого наряда. Платье оголяло грудь, V-образный разрез на спине доходил до поясницы. Тонкие бретельки, казалось, едва удерживали платье. Когда я тщательнее осмотрела подарок, нашла потайной карман, вшитый в складки юбки. Из-за моего невысокого роста подол оказался слишком длинным, поэтому мне пришлось на скорую руку его подшить.

Я выгнулась, чтобы прикоснуться к лопаткам. Несвойственная людям идеально гладкая кожа, покрытая легким загаром, не могла не вызывать интерес, приводя меня в бешен-

ство каждый раз, когда кто-то хотел прикоснуться к ней. Но смертные и не догадывались, что когда-то эту спину уродовали два глубоких шрама.

Как только сирена лишалась крыльев, лесные духи, которые обитали на тайном острове, оказывали ей помощь: втирали сок ядовитой ягоды соджио в кожу. Обработанный участок нещадно жгло, но мы не смели ничего сказать против: лечебная жидкость быстро затягивала раны.

Шрамы больше не чернели уродливой кляксой на теле, но эта травма оставалась в душах сирен навсегда, напоминая о жестоком обращении богини Персефоны.

Еще несколько минут покружившись у зеркала и подхватив подол платья, я покинула комнату и сбежала по лестнице, чтобы найти Генри.

Генри

Солнце слепило так, что глаза слезились. Задернув шторы наполовину, я медленно отошел от окна и упал в кресло, не забыв прихватить с собой бутылку. Плеснув ром в бокал и отпив большой глоток, зажмурился и громко выдохнул, чтобы заглушить горечь. Грудь обожгло, но мне это доставляло только удовольствие. Поставив бокал рядом с бутылкой на шаткий стол, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, пытаясь успокоиться и понять, как избежать предначертанного, но в голове непроизвольно зазвучал голос незнакомца:

«Генри, ты славный мальчик, но не стоит воспринимать мою щедрость за добрый жест. Подумай сам: ты стар, у тебя нет положения в обществе, деньги заканчиваются, зато долги только прибавляются, и из-за них ты можешь в любой день лишиться жизни. Куда потом пойдет твоя красавица Эмилия? Неужели тебе не жалко дочь, ее чувства, тело, которое будет отдано на растерзание стервятникам? Такое счастье ты для нее хочешь? Чтобы она расплачивалась за твои грехи?»

Еще тогда, два года назад, я удивился, откуда он знает меня и мою дочь. Все это время отчаянно искал варианты, чтобы этот незнакомец исчез так же внезапно, как и появился, но их не было: предчувствие подсказывало, что страшная сделка состоится.

Стоило мне схватить бутылку со столика и встать с кресла, как на пороге появилась она, моя Эмилия...

Эмилия

Я поспешила в общий зал для гостей, будто чувствовала: Генри там. Он всегда оставался ночевать в этой комнате, чтобы не будить меня ночью, когда возвращался с очередной попойки в кабаке.

Ткань платья приятно холодила кожу, и я непроизвольно улыбалась, представляя, какой эффект произведет на Генри в таком шикарном наряде. Конечно, не собиралась говорить,

от кого оно и что к нему прилагалось, решив, в случае чего, напеть ему песню забвения, чтобы не пришлось выслушивать многочисленные вопросы и отвечать на них. Признаюсь, мне изредка приходилось использовать дар – освободить его, – чтобы прикармливать истинную сущность человеческими чувствами и пороками, для чего прекрасно подходил Генри, который и не догадывался, что стал подопытным кроликом сирены.

Несмотря на то что дом Генри был небольшим – всего четыре комнаты, кухня, общий зал и каморка для прислуги, – в нем таилось нечто такое, что заставляло сердце трепетать от воспоминаний, наполненных уютом и спокойствием.

Перейдя порог, гости попадали в коридор, ведущий напрямиком в общий зал и к дверям жилых комнат справа и слева. Зал отличался от всех остальных помещений. Шторы темно-бордового цвета, обрамленные золотистыми крапинками, спадали с карниза тяжелыми волнами, прикрывая окно. Стоявший посреди комнаты диван, на котором уместилось бы не менее пяти человек крупного телосложения, был обит грубой бирюзовой тканью. Под ним лежал неброский серый ковер, выцветший от долгого пребывания на солнце. Одинокое широкое кресло под цвет дивана стояло чуть поодаль, повернутое спинкой к окну. Стол, предназначенный скорее для коллекционирования алкоголя, нежели для чего-то еще, держался на слегка покосившейся ножке, которая каждый раз норовила сломаться, стоило лишь пройти рядом.

Серая краска на стенах местами уже потрескалась, но нам не хватило бы денег на то, чтобы хотя бы частично исправить господствующий хаос. В самом углу комнаты, едва заметный глазу, примостился низкий комод по типу тумбочки, сплошь уставленный свечами и канделябрами. Особый уют создавал лес, который обнимал дом со всех сторон, заботливо ограждая от внешнего мира.

Вкус Генри был специфичен, но, несмотря на это, я ощущала, что каждый предмет он выбирал с особым трепетом и внимательностью. Возможно, он не стал выкидывать мебельный гарнитур и заменять его на новый по вполне понятной причине: он напоминал ему о покойной жене и ребенке. Я не решалась завести этот разговор, считая тему запретной.

Я остановилась в дверном проеме и увидела Генри, как всегда с бутылкой, тяжело поднимающегося с кресла. Он заметил меня, и его затравленный взгляд заставил меня задохнуться. Я вгляделась в лицо мужчины: когда он успел так постареть?

Некогда жизнерадостный, торговец стал похож на свою тень. Глаза серо-голубого оттенка с нависшими веками всегда смотрели с теплом и добротой, чуть вздернутый нос, пухлые губы и легкая щетина раньше выдавали в нем мальчишеский нрав. Сейчас же взлохмаченные волосы цвета спелого желудя почти полностью покрылись сединой. Темные круги под глазами, морщины на лбу и на коже вокруг глаз, красный цвет лица от постоянных пьянок указывали на то,

что на его долю выпало немало препятствий и трудностей. Из одежды на нем были льняная рубашка с кляксами от вина и темные штаны свободного кроя. Генри не любил носить в доме обувь, поскольку считал, что тем самым оскверняет память о покойной жене и ребенке.

Еле заметно мотнув головой, я натянула радостную улыбку и побежала навстречу Генри, распахнув объятия, но вдруг в дверь громко постучали. Хозяин дома выронил бутылку, его руки мелко задрожали, а лицо побелело. Резко остановившись перед растекающимся на ковре пятном, я сделала несколько шагов назад и скрестила в защитном жесте руки на груди, вопросительно наклонив голову и вскинув бровь.

Генри устало потер переносицу и, будто смирившись со своей участью, негромко сказал:

– Открой дверь, Эмилия. Мы ждем гостей.

Я сжала кулаки, вонзив ногти в ладони.

Гостей у нас не было уже достаточно давно. Это даровало мне чувство безопасности: я надеялась, что про нас забыли и мы можем наслаждаться спокойной жизнью. Кинув взгляд на осунувшееся лицо Генри, раздраженно выдохнула, прошла к входной двери и, схватившись за ручку, резко потянула ее на себя, оказавшись лицом к лицу с незнакомцем.

– ТЫ?! – только и смогла произнести.

В ответ тишина.

– Ты?! – повторила, стоя у порога. – Это что еще за шутки? Генри?! – Я старалась держать себя в руках, но мой голос

больше походил на истеричный визг.

Тишина.

Глубоко вздохнув, медленно развернулась, не отпуская дверную ручку, натянула дружелюбную улыбку, которая была больше похожа на звериный оскал, и мило проворковала.

– Дорогой отец, может, объяснишься?

Генри стоял посреди зала и недоуменно моргал, будто он только что проснулся от затяжного сна и не понимал, где находится. Переводя растерянный взгляд то на меня, то на гостя, он упорно молчал в надежде, что нелепая ситуация разрешится сама собой.

Я почувствовала закипающий внутри гнев. Гордо вскинув подбородок, начала закрывать дверь, давая понять незнакомцу, что ему тут не рады. Но не успела я это сделать, как молодой человек юркнул в дом, миновал прихожую и прошел прямо в зал к Генри. Наглец по-хозяйски поднял с ковра бутылку, взял бокал со столика и налил в него остатки напитка, после чего сел на диван, вальяжно закинув ногу на ногу.

– Здравствуйте, мистер Генри. Я так понимаю, вы еще не успели сообщить Эмилиии о нашей давней договоренности?

Я стояла в дверном проеме, не решаясь войти в зал, оставляя путь к отступлению, если возникнет необходимость бежать или использовать дар. Приятное тепло разлилось по телу: сирена внутри меня предвкушала возможную смерть незнакомца, его мучения и боль. Я не смогла скрыть хищной

улыбки, вызвав недоумение на привлекательном лице гостя.

Генри еще несколько минут растерянно переводил взгляд то на меня, то на молодого человека, затем вздохнул и сел в кресло. Я чувствовала, что ему тяжело начинать этот разговор, но не торопила, давая возможность собраться с мыслями и все обдумать.

– Эмилия, я не знаю, как ты познакомилась с этим... молодым человеком, но он – наш спаситель, он сможет одолжить нам деньги, чтобы мы не умерли в нищете. – Руки Генри задрожали от волнения, но он продолжил: – Пойми, то, что тебе скажу, может показаться дикостью, но я делаю это только ради тебя. Ты заслуживаешь все самое лучшее, дитя мое.

Я с ненавистью всматривалась в лицо гостя, который вломился в наш дом, но тот старательно делал вид, что не замечает меня, еще больше раздражая своим поведением. Я начала глубоко и часто дышать, чтобы успокоиться, но видя, как отец пытается оправдаться, резко перебила:

– Отец, ближе к делу. Как нам поможет этот господин, и что ты ему будешь должен взамен?

Генри устало вздохнул, поднял голову и, посмотрев прямо мне в глаза, коротко произнес:

– Тебя.

– Я что, похожа на вещь, которую можно продать или одолжить? – прошипев, прожгла взглядом Генри, который

моментально стушевался и уронил голову на грудь.

Заметив, как незнакомец встал и медленно сделал несколько шагов в мою сторону, я зарычала и отступила. Не стирая с лица довольной ухмылки, он медленно вращал бокал, в котором плескалась жидкость, напоминающая морские волны в лучах рассвета.

Быстро окинув наглеца взглядом, заметила, что две пуговицы рубашки, как и в прошлый раз, были расстегнуты, костюм цвета темного асфальта представлял собой удлиненный пиджак и брюки, облегающие крепкие ноги. На запястье переливался черный браслет, точно чешуйки змеи. В голубых глазах будто плавали кусочки льда, шрам, рассекающий бровь и глаз, только украшал лицо мужчины, кончики рвано постриженных волос, как и тогда, на ярмарке, касались плеч.

Приоткрыв завесу дара, я ощутила тепло, растекающееся по телу. Сирена, заточенная внутри, тут же протянула невидимые нити к самому сердцу незнакомца. Почувствовав от него влечение, схожее с безумием, я лишь усмехнулась и слегка прищурилась. Заметив мое хитрое выражение лица, незнакомец удивленно выгнул бровь и осторожно поставил стакан с ромом на стол, приближаясь.

– Эмилия, я был бы рад представиться, чтобы между нами не осталось недосказанности, позволь...

Вскинув руку вверх, я жестом приказала мужчине замолчать. Не ожидая такой выходки, гость остановился и скрестил руки на груди, чтобы не выдать нахлынувшее раздра-

жение.

– Меня сейчас стошнит от такой формальности. Все это, конечно, очень познавательно и увлекательно, но мой ответ – нет.

Гордо вскинув голову, пристально взглянула гостью в глаза, даже не пытаясь скрыть издевку и усмешку. Проснувшееся чутье кричало, что он не причинит вреда, вся его напыщенность и властность – мираж. Меня не покидало ощущение, что я знаю гостя, будто раньше мы уже встречались, и это тревожило гораздо сильнее прочего.

Подняв руки, будто принимая поражение, незнакомец улыбнулся краем губ и произнес:

– А теперь, будь добра, прикрой свой прекрасный рот и послушай меня. – Столь грубый ответ поразил, и я позволила сирене потянуть за одну из нитей, ведущих к сердцу мужчины, заставив того чуть слышно застонать.

Незнакомец замолчал на несколько мгновений, будто прислушиваясь к своим ощущениям, затем продолжил:

– Как ты знаешь, дорогая Эмилия, твой отец – банкрот. Если бы не я, еще два года назад он не вернулся бы домой, а за его долги перед... кхм... товарищами пришлось бы отвечать тебе, причем не только деньгами. – Гость внимательно изучал мое тело и, задержав взгляд в районе груди, прокашлялся и продолжил: – Я предложил старику расплатиться с долгами, дать возможность снова торговать и вернуть нажитые его семьей богатства, но при одном условии: он отдаст

тебя мне. Я смогу позаботиться о тебе и дать все, о чем тебе и не снилось. Хочешь платья, украшения, прислугу? Ты их получишь, только дай согласие.

– В морях сейчас неспокойно. Дав отцу корабль и команду, ты приговариваешь его к верной смерти, – не сдавалась я.

– Его убьют. Завтра, послезавтра, через месяц – это только вопрос времени, – равнодушно ответил незнакомец. – Так какая разница: умереть на корабле или от рук головорезов?

Пытливо рассматривая гостя и прокручивая в уме разные образы, я вдруг все вспомнила. Удушающая волна давно минувших событий накрыла с головой, заставляя вцепиться пальцами в дверной косяк.

– Не смей произносить такие слова в этом доме. Не знаю, чего ты добиваешься, но убирайся отсюда как можно быстрее.

Резко развернувшись и выпрямив спину, быстрым шагом направилась в свою комнату, больно вонзив ногти в ладони. Громко захлопнув за собой дверь, устало прикрыла глаза и тяжело выдохнула, собравшись снять платье, как послышался стук в дверь. Затем еще, и еще, и еще – с каждым разом удар становился все громче. На десятом я распахнула дверь и увидела незнакомца. Нет... не незнакомца. Скрестив руки на груди, облокотилась о дверной косяк, преграждая мужчине дорогу.

Не противься... он поможет...

Голос, прозвучавший в голове, заставил еще раз внима-

тельно изучить мужчину. Тот немного замялся, будто опасаясь, что я наброшусь на него, но, убедившись, что ему ничего не грозит, кивнул в сторону комнаты. Немного отступив, сделала небольшой зазор, отчего мужчине пришлось проходить мимо меня боком, стараясь не задеть. Засунув руки в карманы, он осмотрел помещение, повернулся и неожиданно подмигнул. Я раздраженно закатила глаза, ясно давая понять, чтобы он оставил такие уловки для наивных дурачков. Закрыв дверь, села на кровать, поджав ноги под себя.

– Может, прекратим играть в эти глупые игры и раскроем все карты сразу? – Голос прозвучал резче, чем я рассчитывала.

Мужчина взглядом показал на кровать, молча спрашивая разрешения. Подождав несколько секунд, медленно кивнула, после чего гость присел на самый краешек и сложил руки в замок.

– Не буду скрывать: я действительно оказался на той ярмарке не случайно. Надеюсь, что ты сразу узнаешь меня, но, может, тебя смутил шрам, не знаю... Я несколько лет пытался тебя найти, но все было безуспешно.

Сердце окутала волна ласки от услышанных слов, но я взяла себя в руки: мой план не был реализован даже наполовину. Охотник еще не нашел меня, значит, есть время, чтобы подготовиться к встрече.

Из размышлений меня вывел вопрос гостя:

– Неужели ты совсем меня не помнишь?

Ненадолго задумавшись, внимательно посмотрела в глаза мужчины, подобные мерцающим кусочкам льда.

Я на мгновение задержала дыхание.

Уильям.

Голову пронзила острая боль, одна картинка из прошлого сменялась другой, а тело наполнилось обидой, горечью и невысказанной ненавистью. С трудом подавив нахлынувшие чувства, натянуто улыбнулась: эта встреча не должна нарушить изначальный план.

Притворись, что ты не помнишь его.

Стараясь скрыть волнение, осторожно поднялась и вплотную подошла к Уильяму. Мужчина жадно осмотрел каждый сантиметр моего тела, не подозревая, что я узнала его.

Что ж, тем лучше. Такая игра мне нравилась.

Сирена внутри ликовала и рвалась наружу, ощущая мое возбуждение и наслаждение сложившейся ситуацией. Медленно приспустив лямки платья, повернулась к Уильяму спиной и жестом попросила расстегнуть молнию.

– Я пойду с тобой, но дай мне проститься с отцом, не хочу так быстро покидать дом, в котором провела столько лет. Возвращайся сюда в полночь. – Не дав Уильяму расстегнуть молнию до конца, я резким движением спихнула его с кровати, выгнала за порог и закрыла дверь.

К счастью, все мужчины устроены просто: достаточно дать им лишь толику внимания и шанс дотронуться до тела, насладиться его теплом, как они падают к твоим ногам.

Прислонившись спиной к двери, запрокинула голову и закрыла глаза. Уильям появился совершенно некстати, ведь у меня уже назревала проблема куда серьезнее в лице Охотника. Я чувствовала, что последний сдержит слово, ловко манипулируя человеческими чувствами и пороками, но быть уверенной в этом не могла. Однако знала наверняка: наша встреча неизбежна. Платье, которое Охотник мне прислал, говорило об одном: он знает, что я переродилась, вселилась в человеческое тело, и сделает все, чтобы исполнить свой долг. Но выполнит ли то, что необходимо? Почему медлит?

Стараясь не думать о будущем, я осторожно сняла кулон и не торопясь окатила себя прохладной водой, покрываясь мурашками. Затем подошла к зеркалу и обнажила два ряда острых зубов в подобие улыбки, наблюдая, как глаза застилает алая пелена.

Что ж, Уильям Грей, игра началась.

Уильям

Буквально секунду назад я расстегивал платье, осторожно касаясь пальцами нежной прохладной кожи, и вот уже стою за дверью и не понимаю, как все произошло.

Подняв руку, чтобы снова постучать, сразу же передумал.
Нет, Уильям, держи себя в руках.

Неужели, моя дорогая Эмилия, ты действительно думаешь, что я дал себя перехитрить? Ты слишком любишь сво-

боду, чтобы так легко позволить заключить себя в оковы.

Спустившись вниз, я не застал в общем зале Генри и посчитал, что это даже к лучшему. Покинув дом, сделал несколько шагов по тропинке и остановился. Обернувшись, чтобы посмотреть на окно спальни девушки, почувствовал, как на губах появилась лукавая улыбка.

Игра началась, Эмилия Сагр.

Глава 6

Пытаясь обхитрить сирену, не угоди в ловушку сам.

Эмилия

Бегая между разбросанными вещами, я совсем забыла про время. Выглянув в окно, заметила, что уже смеркается – значит, полночь близко. У меня оставалось часа три, не больше.

За ужином мы с Генри молчали, и каждый раз, когда я пыталась завести разговор, он поднимал ладонь, давая понять, что не стоит начинать диалог и тревожить душу. Генри пытался уберечь мои чувства от слов, вертевшихся у него на языке. Взгляд отца, направленный в мою сторону, говорил об одном: он готов бросить все, упасть на колени и умолять остаться с ним, зажить прежней жизнью. Но это невозможно. Уже нет. Генри погряз в долгах, секретах и обмане, среди которых мне не было места.

После третьей попытки швырнула салфетку на стол, громко отодвинула стул и гордо вышла из кухни. Старалась приглушить нарастающую панику, но удавалось мне это с трудом. Не в силах сдержать гнев, поднялась по лестнице и с силой хлопнула дверью, отгородившись от внешнего мира.

Сирена, дремавшая внутри, слабо колыхнулась, почувствовав мое настроение, и замурчала, подобно кошке, предвкушая скорую свободу.

Я сползла спиной по двери и села на пол. Перед глазами пронеслось воспоминание: спасший меня от неминуемой расправы Генри – средних лет, с темными волосами, в которых уже прослеживалась седина, – нежно взяв за руку, привел в этот дом. Он всегда улыбался, рассказывал несуразные истории каждый раз, когда замечал, что у меня испортилось настроение или я не могу избавиться от тягостных мыслей. Несмотря на все трудности и невзгоды, Генри всегда создавал в доме атмосферу уюта и веселья. Где тот радостный, добросердечный мужчина, которого я знала? Сейчас Генри превратился в собственную тень: постоянный запах перегара, сутулая спина, дрожащие руки, круги под глазами и множество морщин.

Странное чувство внутри меня настаивало, что все идет правильно, все идет так, как надо. Моя судьба тонкими, почти невидимыми нитями связана с Охотником, но пока я не была готова к встрече с ним, да и в мой план никак не вписывался сегодняшний гость, который внезапно предъявил на меня свои права, поэтому побег казался наилучшим вариантом в этой щекотливой ситуации.

Порывшись в шкафу, сняла с вешалки старое пальто с капюшоном и накинула его на себя. Красное платье, лежащее на полу, словно алое пятно крови, заставило поежиться и об-

хватить себя руками. Недолго думая, я схватила его и, скомкав, засунула в придорожную сумку, не забыв прихватить все имеющиеся деньги, хотя понимала, что они мне вряд ли понадобятся. Приятная тяжесть наполняла душу спокойствием, и я, осторожно выйдя в темноту коридора, прикрыла за собой дверь в комнату.

Выйдя на улицу через черный ход на кухне, громко втянула воздух и, прикрыв глаза, постаралась сдержать возбуждение. Вынужденная жить вдали от родной стихии, каждый раз вдыхая морской воздух, я представляла, как сбрасываю оковы одежды и ныряю в бурлящие воды, навсегда освобождая сирену.

Быстро шагая по дорожке, почувствовала на щеках слезы. И все-таки я любила их, Генри и Анну, чувствовала благодарность за все то, что они сделали для меня, что были добры и снисходительны, но не могла сейчас пойти на поводу у эмоций. Слезы щипали глаза, сердце сжималось от предстоящей разлуки.

Грубая древесина, из которой был построен дом Генри, была окрашена в светло-голубой оттенок. Все торговцы континента скупали краску подобного цвета, считая его символом удачи. Здание было одноэтажным, но за счет высоких потолков вздымалось на десяток метров, крышей касаясь верхушек близлежащих деревьев. Пятиступенчатое крыльцо обрамлялось деревянными перилами белого цвета. Масивная входная дверь из коры дуба располагалась на одном

уровне с окнами. Каждый раз, когда к нам кто-то заходил в гости, я чувствовала себя рыбой в аквариуме, за которой наблюдали все, кому не лень. Ситуацию спасали ночные шторы, но, к сожалению, Генри разрешал закрывать ими окна лишь после шести часов вечера. Острый шпиль двускатной крыши напоминал трезубец Посейдона.

Оглянувшись в последний раз, я побежала в сторону леса, смахивая на бегу слезы тыльной стороной ладони.

Нужно добраться до порта, а в темноте никто не увидит и не услышит, как я окажусь в воде и уберусь отсюда как можно дальше.

Накинув капюшон, двинулась в чащу леса. Но чем дальше заходила, тем страшнее становилось. Погрузившийся в сумерки лес утопал в пугающих звуках, деревья от порыва ветра цеплялись ветками за плащ, будто останавливая. Я долго не могла привыкнуть к полутьме, спотыкаясь на кочках и проваливаясь в ямы, и недовольно чертыхалась себе под нос.

Вдруг я отчетливо услышала звук треснувшей ветки. Это не мог быть заяц или, того хуже, кабан: в нашем лесу не водилось никакой живности. Диких зверей истребили еще несколько лет назад, после того как в морях стало беспокойно, и многие люди, лишившиеся продовольствия, начали охотиться. Спрятавшись за ближайшим деревом, затаила дыхание и стала ждать. Звук раздался буквально в нескольких шагах от меня, из-за чего сердце забилось быстрее. Я снова прислушалась.

Тишина.

Но чутье подсказало, что нужно бежать как можно дальше и быстрее, иначе произойдет непоправимое.

Сорвавшись с места, я рванула вперед, постоянно оглядываясь по сторонам и, врезавшись во что-то высокое и крепкое, упала спиной в траву.

Не успела ругнуться, как меня тут же затрясло от злости.

Да что же это такое!

– ТЫ?!

Передо мной возвышался Уильям собственной персоной. Он самодовольно смотрел на меня сверху вниз, спрятав руки в карманы местами потертого пальто цвета мокрой земли, которое будто долгие годы пылилось на чердаке, прежде чем про него вспомнили.

Мило улыбнувшись, я поднялась на ноги и, встав напротив мужчины, гордо вскинула подбородок:

– Мы же договорились, что в полночь встретимся у дома.

Уильям внимательно осмотрел меня с ног до головы и развел руки в стороны, намекая на то, что я, судя по всему, и не собиралась ждать его в условленном месте.

– Ты пыталась улизнуть, только все бесполезно. Я не причиню тебе вреда, ты должна верить мне. – Голос, едва различимый в темноте, наполненный нежностью, заставил снова окунуться в воспоминания.

Сирена металась, словно рыба в сетях, и рвалась на волю. Боль, наполняющая тело, делала ее сильнее, но я понимала,

что сейчас не время. Надо подождать.

*Надо играть свою роль, чтобы не казаться легкой при-
манкой.*

Стараясь отвлечь внимание Уильяма, медленно сняла ка-
пюшон, начала расстегивать пальто, подходя ближе, не сво-
дя при этом взгляда с лица мужчины, и, когда между нами
осталось несколько сантиметров, толкнула его и, развернув-
шись, устремилась в обратном направлении. Не знаю, на что
я рассчитывала... Импульсивное решение. Не отбежав и на
десять метров, почувствовала на талии руку, которая потя-
нула меня назад.

– Пожалуйста, не бойся меня.

Уильям насильно прижал меня к себе. Спиной почувство-
вала, как вздымается его грудь и громко колотится сердце.
Замерла, стараясь не дышать. Вторая ладонь Уильяма нача-
ла нежно поглаживать кожу на шее, поднимаясь все выше.
Пальцы задержались у моего рта, подушечки скользнули по
губам.

Мужчина склонился над моим ухом и тихо прошептал:

– У тебя есть минута, чтобы попытаться сбежать.

Резко отпустив, Уильям отступил к ближайшему дереву,
наблюдая за моими действиями.

Пару секунд я удивленно смотрела на мужчину, затем
опомнилась и сорвалась с места, устремляясь в самую чащу
леса. Деревья, словно гиганты, заполонили все вокруг: я ви-
дела лишь толстые стволы и кроны, закрывающие небо. Вет-

ки, бывшие по лицу каждый раз, когда не успевала пригнуться, выбивали из легких воздух, но я не собиралась останавливаться. Убирая с лица пропитавшиеся потом волосы, все дальше углублялась в чащу, заметив вдалеке очертания плакучих ив, расположенных вдоль оврага.

Звезды и луна, едва пробиваясь сквозь густую крону, блеклыми полосками освещали мне путь, но этого было недостаточно. Прерывисто дыша, я все еще бежала вперед, надеясь, что сумела скрыться. Спустя пару десятков шагов резко повернула вправо и, добежав до самого ветвистого дерева, прижалась спиной к стволу ивы, пытаюсь восстановить дыхание. Секунды тянулись как часы, но ни шагов, ни звуков я не слышала. Обрадованная тем, что мне удалось сбежать, я огляделась – никого. Выдохнув, собралась покинуть укрытие, как вдруг увидела перед собой Уильяма и громко закричала. Грубая рука тут же прикрыла мой рот. На лице мужчины читалось разочарование: похоже, он изрядно устал от этой игры.

Не успела я понять, что происходит, как губы Уильяма властно завладели моими. Хотела его оттолкнуть, но, ошарашенная подобной наглостью, не могла двинуться с места. Спустя несколько мгновений мужчина отстранился, чтобы посмотреть в мои округлившиеся глаза, и, прислонившись своим лбом к моему, тихо произнес:

– Можешь ударить меня за это. Но знай, я ни о чем не жа...

Не успел он договорить, как я влепила ему звонкую пощечину и отошла на безопасное расстояние, готовая обороняться.

– Не желаешь выпить? – Неожиданный и странный в сложившейся ситуации вопрос застал врасплох. – Отборный виски в знак примирения. Как истинный джентльмен, я теперь должен тебе выпивку.

– Хочешь меня напоить, чтобы я не видела твою противную рожу? – Выплюнув слова, словно это был яд, кинула озлобленный взгляд на Уильяма. Несмотря на бушующие внутри эмоции, я была не прочь немного расслабиться и забыться, пусть даже в состоянии алкогольного опьянения.

Главное, не в поле зрения Охотника.

– Что ж, я согласна. Веди.

Уильям не смог сдержать победной улыбки и протянул мне руку. Я лишь громко прыснула и прошла мимо мужчины, нарочно задев его плечом, отчего он издал короткий смешок и последовал за мной.

* * *

Уильям привел меня в кабаk, который мало того что нельзя было назвать приличным заведением, так он еще чуть ли не разваливался от легкого дуновения ветра. Приземистое здание, стены которого раньше покрывала ярко-красная краска, выцвело и практически разрушилось: каждый

кирпич норовил рассыпаться, стоило на него надавить, крыша под пологим углом едва ли могла укрыть посетителей от дождя, благо в наших краях ливни были редким явлением. Болтавшаяся на одной петле дверь не заглушала голоса и крики, доносившиеся изнутри.

Кабак был единственным заведением, куда пришлые торговцы и местные пьяницы могли нанести визит. Здесь не водилось богатых и бедных – все считались равными друг перед другом.

Зайдя внутрь, не смогла сдержаться и зажала нос рукой, почувствовав затхлый спертый запах немытых подштанников с примесью рвоты и плесени, глаза заслезились от клубящегося дыма. Мужчины за столами играли в кости, стараясь перекрычать друг друга. Пол мерзко блестел от разлитого алкоголя и чего-то белого и вязкого, свечи в обшарпанных канделябрах почти расплавились.

Уильям подтолкнул меня к свободному столу и жестом велел сесть. Раздраженно фыркнув, осторожно пролезла в самый угол, сжалась и потупила взгляд, чтобы на меня не обратили внимания. На столешнице были накорябаны забористые пошлые фразы, заставившие слегка покраснеть и усмехнуться. Тем временем Уильям стоял у барной стойки, разговаривая с хозяином кабака и изредка бросая в мою сторону многозначительные взгляды. Спустя пару минут он вернулся, держа в руках две большие деревянные кружки, до краев наполненные пенным напитком.

– Пиво, – произнес Уильям и, стараясь не расплескать содержимое, пододвинул одну кружку ко мне: – Пробовала?

– Я не пью пойло бедняков.

Слегка наклонившись к бокалу, принялась и удивленно вскинула брови: пахло вполне сносно. Взяв внушительную кружку обеими руками, осторожно поднесла ее к губам и сделала небольшой глоток. Приятная прохлада проникла в тело: я и не заметила, как разом опустошила тару на треть, после чего блаженно закрыла глаза и откинулась на жесткую спинку стула.

Короткий смешок заставил выпрямиться и озлобленно посмотреть на Уильяма, который, уткнувшись в свою кружку, едва сдерживал ухмылку.

– Я сделала что-то смешное?

– Да, ты только что выпила пойло бедняков с такой скоростью, что даже я позавидовал.

Издавательский тон заставил окунуть палец в кружку Уильяма. Я наблюдала, как он переводит удивленный взгляд то на меня, то на свое пиво. Усмехнувшись, приподняла палец вверх и, слегка приоткрыв рот, медленно провела влажной подушечкой по губам. С наслаждением заметила, как Уильям шумно вдохнул, стоило мне обхватить палец ртом и слегка его пососать, чтобы избавиться от остатков пива.

Мотнув головой, Уильям внимательно посмотрел на меня и застенчиво улыбнулся, отчего его шрам растянулся, придавая лицу пугающее выражение. Приподняв край рубашки,

он вытащил оттуда флягу и протянул мне, не отводя взгляда.

– Кстати, а вот обещанный виски. Выпьешь? – В его голосе читался вызов, который разгорячил мою плоть и притупил осторожность. Недолго думая, выхватила фляжку и сделала несколько больших глотков.

Алкоголь обжег горло, приятная истома залила тело. Спустя несколько мгновений закружилась голова: я почувствовала, что теряю сознание. Чьи-то крепкие руки, ловко подхватив, понесли меня в неизвестном направлении.

Глава 7

Играй свою роль мастерски, чтобы никто не смог догадаться, какую цель ты преследуешь.

Эмилия

Проснулась я оттого, что солнечные лучи нещадно обжигали лицо. Все тело бунтовало от такого количества света, заставив вскинуть руки и заслониться ладонями. Поняв, что это не работает, и протяжно застонав, я приоткрыла один глаз, привстала на кровати и удивленно выгнула бровь, не в силах скрыть изумления.

Дрожащими пальцами нащупала прохладный кулон и шумно выдохнула. Сирена, сидевшая внутри, издала гортанный рык, выражая недовольство: я оказалась такой простушкой, что позволила заманить себя в ловушку. Она желала освободиться, но я не могла рисковать собой. Не могла рисковать нами. Стоило мне перевести взгляд на ноги, как с губ сорвался тихий писк: тело обнажено и прикрыто лишь тонкой простыней.

– Гореть тебе в аду, чертов ублюдок! – выкрикнула я громче, чем полагалось, в надежде, что послание дойдет до ушей адресата. Несложно было догадаться, чьи гадкие руки при-

волокли меня сюда.

Комната, в которой я оказалась, была оформлена в готическом стиле. Черные стены, пол и потолок, украшенные барочной резьбой, смотрелись весьма элегантно с многочисленными узорами и символами на языке, который я не знала. Нарисованные широкой кисточкой, размашисто и объемно, они заполнили все пространство. На фоне черных стен это выглядело пугающе, будто комната предназначалась для жертвоприношения.

Напротив двери, рядом с большим окном, обрамленным деревом, располагался массивный стол из вишни. Несмотря на внушительные размеры, он держался на тонких ножках, которые к тому же со временем отсырели и местами прогнили. Столешница оказалась завалена картами, бумагами и расчетными инструментами. По краям были прочно закреплены канделябры на восемь свечей, а рядом блестел серебряный поднос с фруктами. Здесь же располагался тяжелый стул с высокой спинкой, обитой темно-бордовым бархатом. Рядом с кроватью находился шкаф, дверцы которого были маняще распахнуты.

От пола до потолка на стенах были закреплены стеллажи. Резные створки были приоткрыты, будто перед уходом владелец комнаты что-то долго искал. С полка шкафа, который примостился в самом углу, поглядывали многочисленные корешки книг.

Не сдержав любопытства, схватила с кровати простыню,

закуталась в нее и подошла к шкафу. Осторожно проводя пальцами по корешкам, я беззвучно шевелила губами, повторяя название каждой из них: «Атлантический океан, и что в нем обитает», «Истинная сущность морских чудовищ», «Медицинские рекомендации для лечения морской болезни», «Магические существа». Затаив дыхание, резко отдернула руку от последней книги и прижала ладонь к себе, будто успела обжечься. Мотнув головой, чтобы отогнать страх и сомнения, осторожно взяла фолиант и раскрыла на случайной странице. Здесь были не только правила, которых должен придерживаться Охотник, но и ценнейшая информация, как можно выследить то или иное существо и уничтожить его. Все записи, сделанные разными почерками, доказывали, что книга передавалась из рук в руки и служила хранилищем знаний для тех, кто уничтожал магических существ.

Откуда эта книга у Уильяма?

Стараясь найти хоть что-то про сирену, я даже не заметила, как за моей спиной раздался скрип двери. Когда обернулась, на стуле вальяжно сидел не кто иной как Уильям Грей.

– Я же предупреждал, что тебе не удастся скрыться.

События вчерашнего вечера молниеносно пронеслись в голове, потушив во мне тревогу и разжигая гнев.

– Чертов идиот!

Выронив книгу, схватила с кровати подушку и метнула ее в самодовольного нахала. Уильям лишь громко засмеялся и, перехватив снаряд в воздухе у самого лица, откинул его на

пол. Подавшись телом вперед и оттолкнувшись от широких подлокотников, Уильям встал и приблизился, с ехидством наблюдая за моими жалкими попытками закрыть простыней грудь и ноги.

Перехватив его взгляд, я с вызовом посмотрела мужчине в глаза и невзначай задела ладонью край простыни, оголяя бедро. Уильям шумно выдохнул, в зрачках мужчины появился хищный блеск. Усмехнувшись, подняла упавшую книгу и вернула на место, снова обратив внимание на своего похитителя.

– Рад, что смог опоить и затащить девушку в кровать? Жаль твоих предыдущих пассий, наверняка им пришлось несладко.

Смущение появилось на лице мужчины лишь на долю секунды, после чего он виновато пожал плечами, стараясь не смотреть мне в глаза. Подойдя вплотную, Уильям осторожно, едва касаясь, провел ладонью по моим оголенным плечам, оставляя горячий след на коже. Сирена, крепко спавшая в потаенных уголках моей души и тела, встрепенулась, ощущая волнение. Невольно дернувшись, я сделала несколько шагов назад, стараясь скинуть накотившее наваждение.

– Мне нужно одеться, будь добр, выйди.

Я собиралась бесцеремонно вытолкнуть Уильяма за дверь, но он перехватил мою руку и, положив ее к себе на грудь, внимательно посмотрел в мои глаза.

– Эмилия, неужели ты меня не помнишь? – Ладонь муж-

чины медленно поднималась вверх по моей руке, вызывая необъяснимую дрожь.

Резко оттолкнув нахала, усмехнулась краем губ и, сложив руки на груди и попутно придерживая простыню, слегка наклонила голову набок:

– Больших дураков, чем ты, я еще не встречала. Приятно быть первым?

Увидев замешательство на лице Уильяма, я не смогла сдержать смех. Однако он снова сделал шаг мне навстречу. Мужчина задумчиво провел ладонью по своим волосам, взъерошивая их, и оставил вопрос без ответа. От моего внимания не ускользнуло, что в этот раз его волосы стали светлее, шрам – едва заметен, а глаза приобрели странный лазурный цвет. Закусив щеку изнутри, подалась телом вперед, чтобы хорошенько изучить черты лица Уильяма, как он резко вскинул голову и, встретившись со мной взглядом, произнес:

– Одевайся, жду тебя на палубе.

Казалось, что давать подобные приказы было для него в новинку. Колкость, крутившаяся на языке, не успела вырваться, как дверь захлопнулась с обратной стороны.

Я замерла, совершенно ошарашенная.

– ПАЛУБЕ?!

Уронила простыню, сковывающую движения, и метнулась к окну, обрамленному деревянной вставкой, чтобы в следующий миг вскрикнуть.

Кругом простиралось бескрайнее море.

Мой родной дом.

Охотник должен меня найти, ведь так действует магия крови... Но посреди моря, неизвестно где, в плену... Или... так будет даже легче: ведь Охотник сбежал при нашей последней встрече, укрывшись в морских просторах...

Стараясь подавить закравшиеся сомнения, мотнула головой, понимая, что не могу изменить обстоятельства, и тяжелым шагом направилась в сторону шкафа с одеждой. Слегка пошатнувшись, окинула взглядом гардероб и ахнула: в нем оказалось не меньше дюжины нарядов, каждый из которых был шикарнее и роскошнее другого.

Я долго рылась на полках. Успела заметить свою придорожную сумку, которую сразу закинула на верхнюю полку. Намеренно искала самый откровенный и вульгарный наряд, но поиски не увенчались успехом. Похоже, Уильям позаботился о моей чести, вот только не учел одного: сирена внутри зловеще рычала, требуя мщения, и я с трудом остановила ее, чтобы не показаться перед матросами в чем мать родила. Желая причинить своему похитителю как можно больше неудобств, нашла платье из самой прозрачной ткани и разорвала его у горла и сбоку по линии бедра. Надев получившийся наряд, я подошла к зеркалу.

Передо мной стояла белокожая девушка в платье светло-изумрудного цвета с глубоким декольте, длинным разрезом вдоль ноги, расшитом бисером по краю подола. Если за-

думаться, оно было вполне элегантным, хоть и откровенным. На спине я почувствовала маленькую застежку и хитро улыбнулась. Собрав на голове объемный золотисто-рыжий пучок, еще раз оглядела себя с ног до головы и кивнула отражению.

Что ж, планы слегка поменялись, но цель осталась прежней. Не было смысла торопить события. Я хотела насладиться этим моментом, пока Охотник меня не нашел.

* * *

Поднявшись на палубу, первым делом обратила внимание на великолепие самого корабля. За десятилетия пребывания в родной стихии я изучила чуть ли не все типы судов: бриги, линейные, фрегаты, каравеллы... Каждая сирена, не будь она глупа, должна знать врага и его слабые места в лицо: где можно незаметно подплыть, как избежать обстрела из орудий и тайно проникнуть на судно.

Судно имело три мачты – фок, бизань и грот. Каждая из них несла по четыре рея и четыре прямых черных паруса. Палуба, правый и левый борт были окрашены в темную краску, которая местами начала облезать от долгого пребывания на солнце. На корме расположились бочки с водой и многочисленные сундуки, которые, похоже, служили не только местами хранения, но и стульями и столами.

Галеон лебедем скользил по водной глади. Двое матросов

ослабляли грота-шкот¹ и поднимали паруса. Судя по всему, от берега мы отплыли не так давно, хотя суша уже скрылась за накатывающими волнами. Наконец, паруса, один за другим, задышали, расправляясь под ласками ветра. Кливер² надулся, булини³ натянулись. Один из матросов немного отпустил линь⁴, и нос корабля взял курс чуть левее. Другой же распустил грот, и судно опасно накренилось, двигаясь под углом. Матросы, подняв кранцы⁵, поставили паруса, выравнивая направление набиравшего скорость корабля.

Течение несло нас вперед.

Пройдя несколько метров, я увидела на другом конце палубы остальных матросов, которые, выполнив работу, развлекали друг друга байками. Выпрямив спину и подняв подбородок, глубоко вздохнула, наслаждаясь морским воздухом, манившим меня в свои глубины, к родному дому.

Я заняла эффектную позу. Позже заметила, что Уильям

¹ Грота-шкот растягивает нижний прямой парус на грот-мачте корабля вдоль горизонтального рангоутного дерева.

² *Кливер* – косой треугольный парус, прикрепленный к снасти, идущей от мачты к бушприту – горизонтальному или же наклонному рангоутному дереву, которое выступает вперед с носа парусника.

³ *Булини* – тросы, которые служат для оттягивания к носу наветренных шкаторин (кромок парусов, обшитых мягким тросом) прямых парусов, если судно идет в бейдевинд (так называют ветер, дующий под углом в правую или левую скулу корабля).

⁴ *Линь* – тонкий (до 1,27 см) корабельный трос из растительного материала.

⁵ *Кранцы* – подкладки, которые используют для смягчения ударов корпуса судна о причал или другое судно в процессе швартовки или буксировки.

тоже находился на палубе и, судя по блаженному выражению лица, наслаждался прекрасными морскими видами. Однако, увидев меня, замер на месте.

В свете солнечных лучей мои волосы отливали янтарем, матросы тут же стихли, оглядывая гибкое тело, мысленно уже срывая ткань и беря насильно прямо здесь, на истоптанных сапогами досках корабля. Взгляд Уильяма открыто изучал каждый изгиб, но брови были сведены к переносице: похоже, он совершенно не ожидал подобного бунта на своем корабле.

Скрестив руки на груди, я с вызовом посмотрела на мужчин и громко произнесла:

– Мне может кто-нибудь помочь с застежкой?

Задыхаясь от вожделения и страсти, матросы продолжали молча в своих мечтах хватать грубыми руками мою грудь, ласкать оголенные бедра, поднимать мои стройные ноги и закидывать себе на плечи, чтобы войти глубже и резче.

Подождав несколько секунд, я раздраженно цокнула языком и нагло щелкнула пальцами:

– Не слышу ответа. – Вильнула бедрами, заставив некоторых сладостно застонать. – Надо же, песики умеют разговаривать. – Проведя языком по нижней губе, слегка ее прикусила, отчаянно стараясь сдерживать сирену.

Вдруг чья-то рука схватила меня за локоть и потащила с палубы в сторону каюты. Я пустила в ход когти, но силы были неравны, поэтому меня грубо втопили обратно в каюту,

закрыв дверь на щеколду.

– Да что ты себе позволяешь?! Я только начала!

Настойчиво потянулась к ручке, но Уильям перехватил мою ладонь и, протащив за собой по всей каюте, сел на стул, заставив плюхнуться к нему на колени. Все попытки вырваться не увенчались успехом: стоило мне лишь на сантиметр оторваться от тела мужчины, как он силой усаживал меня обратно, кидая предостерегающие взгляды в мою сторону. Глаза Уильяма будто заледенели, как в тот раз, в лесу, когда я пыталась от него убежать, грудь высоко вздымалась от волнения, злости... и страсти.

– А я еще не начинал, так что, будь добра, заткнись.

Растерянно моргнув, я не сразу нашлась, что ответить, сжимая кулаки в безмолвной злобе. Казалось, Уильям был не в меньшем шоке от подобной выходки, поскольку его щеки покрылись легким румянцем, и он перевел взгляд на мою ключицу. Я усмехнулась и провела по платью руками, еще больше приоткрыв вырез на груди, и поерзала на коленях, усаживаясь поудобнее, заставив Уильяма учащенно дышать.

Что ж, соблазнение – это единственное, что я могу сделать мастерски в этой ситуации. Довольное урчание сирены говорило о том, что она разделяет мои намерения. Закинув ногу на ногу и откинувшись спиной на подлокотник, я взглянула на мужчину и коснулась подушечками пальцев шрама на его лице. Наклонившись ближе, почти касаясь губами мочки

уха, тихо прошептала:

– Ты забываешься, капитан.

Мужчина шумно выдохнул и кивнул, стараясь скрыть возбуждение, граничащее со смущением. Приоткрыв завесу истинной сущности, я мысленно пустила в сердце Уильяма красные нити, наполненные порочностью и страстью. Глаза мужчины, казавшиеся льдинками, загорелись диким пламенем. В следующее мгновение его рука, которая лежала у меня на талии, опустилась к ноге и медленно начала подниматься вверх вместе с подолом платья. Как только я попыталась воспротивиться, играясь, Уильям завел мои руки за спину и обхватил тонкие запястья своей огромной ладонью. Тем временем вторая замерла на бедре, слегка поглаживая мою кожу большим пальцем. Прикрыв глаза, я на мгновение дала волю сирене, которая чувствовала себя увереннее и раскрепощеннее в море, нежели на суше. Стоило мне лишь ощутить приятную негу в теле, как Уильям прислонился своим лбом к моему, не прекращая поглаживать бедро, и снова повторил:

– Неужели ты совсем меня не помнишь, Эмилия?

Резко распахнув глаза, я шумно вдохнула, стараясь подавить болезненные воспоминания, горечью и обидой отзывающиеся в сердце. Придав лицу растерянный вид, лишь коротко помотала головой, прикусив нижнюю губу так сильно, что выступили капельки крови.

Какого черта ты говоришь мне о том, помню ли я те-

бя, когда наступил такой интересный момент?! Неужели за все эти годы, проведенные в человеческом теле, я растеряла сноровку?!

Лицо Уильяма словно окаменело, когда он понял, что все его надежды всколыхнуть прошлое обратились в прах. Он встал, заставив меня слезть с его колен. Развернувшись на пятках, капитан быстрым шагом покинул каюту, закрыв за собой дверь и оставив меня наедине с беспорядочными мыслями и тяжелыми воспоминаниями.

Волны укачивали корабль, будто младенца, и успокаивали меня; вездесущий шум моря звал домой. Сама того не заметив, я легла на кровать, свернулась калачиком и погрузилась в беспокойный сон.

Уильям

Встав до первых лучей солнца, я начал изучать карту, которая была беспорядочно исписана пером. Спустя несколько часов решил взять перерыв и выйти подышать на палубу.

Солнце ярко светило над горизонтом, корабль быстро, но плавно скользил по волнам, корма рассекала гладь моря, команда суетилась, выполняя приказы. Спрятав ладони в карманах, я стоял у борта и любовался чудесным пейзажем.

Эмилия вела себя более чем высокомерно, отчего мне становилось неудобно: я чувствовал себя буньопом, которого швырнули на сушу за первую провинность. Эти двухмет-

ровые твари жили во всех озерах, ручьях, реках и их руслах. Внешне чудовища представляли собой смесь лошади и моржа: с лапами, острыми зубами, гигантским хвостом. Несмотря на кровожадность и внушительные размеры, буньопы были преданы сиренам и Посейдону, исполняя любое поручение, лишь бы уважить господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.